

* ЯРОСЛАВ ПОЛУЭКТ

Х Р О Н
И
Ч У
А Л
И
П Ы
Ы

Т А Т А Т А

Ярослав Полуэктов Чокнутые детки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14343049

ISBN 9785447437060

Аннотация

Речь в книге идёт о Руси, которую представляют юный Михейша и его ближайшие родственники. Все они живут в весёлом Нью-Джорске. Предреволюционной стране в образе монстра не пристало бы обращать внимание на копошащихся кругом людишек. Но не тут-то было! Люди – не бессловесная масса: они чрезвычайно органичные, а иногда гениальные «до чокнутости». Рок в лице символического и порочного «Ф. Ш.» преследует не только Михейшу, но и всю его страну. Но об этом лучше держать язык за зубами.

Содержание

Градобой	5
Увертюра	5
Действие 1	6
Действие 2	7
Действие 3	8
Действие 4	9
Coda	10
Класс	11
1	12
2	15
Нескучные новости из Нью-Джорска	16
1	16
2	17
3	24
4	26
5	27
6	29
7	30
8	31
9	32
10	33
11	34
Чокнутые с малолетства	35
1	35
2	37
3	38
4	40
5	42
Дрожжи	43
1	43
2	45
Ресторан Восточного Вокзала	46
Интерьер и экстерьер	51
1	51
2	54
Петух под столом и царевна Софья	57
1	57
2	61
Шаровая молния	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

**Чокнутые детки
хроники-пазлы
Ярослав Полуэктов**

© Ярослав Полуэктов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Градобой

Увертюра

Конец октября аж одна тысяча девятьсот восьмого года.

Сезон в этом году не удался. Дождит и дождит без передышки.

По ночам несметными полчищами роятся белые мухи.

Безоружные, несчастные, но смелые – у них только один способ борьбы: они застилают своими хрупкими телами вражескую территорию.

А с утра хиреют войска, мельчают числом; и позорно ретируются, оставляя на память о себе только мокрые намёки.

То слякоть, то замёрзшие лужицы во дворе, и за воротами. Чёрт возьми: никакого комфорта!

В день рождения Михейши, как назло, или, напротив, в его честь, началась то ли пятиминутная, но зато плотная бомбардировка, то ли салют.

То с неба посыпалась дробь прозрачных шаров.

Все шарики абсолютно одинаковые, будто перед самым обстрелом просеяны были через дуршлаг.

Отверстия военного ситечка – диаметром с треть голубинового яйца.

Град отбарабанил по крыше ледяную шифровку в стиле Морзе – считай конспиративное поздравление.

И стал крупнее.

Забухало не на шутку.

Небесный сюрприз заставил дрожать крышную жесь, загнал в хлева трясущуюся живность, и начисто, мигом – будто во дворе поработал челюстями голодный железный крот – почикал-поломал последнюю жухлую траву.

В центре двора образовалась воронка глубиной в полтора шестидесятиспичечного коробка, диаметром на все сто двадцать.

На дне воронки лежит ледяная Царь-Град-Мина размером в антоновку. Она не разорвалась.

И начался спектакль!

Действие 1

– О! Ни шиша. Вот так град, – сказал Федот Иванович, выйдя на крыльцо, – в такое-то время! Небывальщина.

Федот Иванович Полиевктов – интеллигентный человек, учитель математики и большой умница. И не матюкается по пустякам.

Поёрзал он в пальтишке, свёл каблуки, зорко глянул по сторонам.

– Мать, стайку-то прикрой, ишь, повылуплялись, будто цирк им тут. Пешком пойду... Покалечит Поньку-то мою.

Съёжился и помчал за ограду, прикрывая голову директорским портфелем.

– Бывало и побойчей, – воркнула бабка из дверной щели, – делов-то.

Стайку закрывать не торопилась: «Не разбегутся, куда им бежать – не дураки поди».

Действие 2

Михейша с остатками зевоты вышел на крыльцо и тут же обнаружил непорядок. Не особенно долго заморачиваясь оригинальностью мыслью, он воткнул «учёбу» в ступени.

Подобно матросу Кошке в секунду обнаружил и подобрал Царя-Град-Мину.

Чуть прицелясь, фуганул Царём под карниз.

Словно редкие зубы опрометчиво залезшей на погодный ринг Старухи-зимы и тут же поверженной изворотливым нокдауном, посыпались из неё сосульки.

Небо потемнело, и затрясся осенний воздух.

То молниеносно выпорхнула из-под кобылок¹ и застучала, будто окостеневшими лопастями, недовольная стаища продрогших за ночь и толком не выспавшихся тварей. То ли мыши, то ли белки-летяги, то ли без определённого места жительства чертёныта – сразу не понять.

От неожиданности переключило Михейшу. Он вздёрнул плечи и по самую маковку вжал голову в воротник. Зажмурил от страха глаза.

Стая, между тем, расселась, кто куда, образовав вокруг Михейши пустую полянку идеально круглой конфигурации.

Чуть переведя дух, твари принялись ругаться и делиться впечатлениями:

– Тук-тук, перетук! Чирей тебе во всю морду! Съешь тебя ливийский комар! Проткни тебя английская булавка! Мешаешь дремать, хулиганище! А не пойти бы тебе в свою дрянскую школу? Глянь на часы. Вот сторож-то тебя метлой приголубит.

– Воробьи! Какие, к бесу, черти!

Михейша так славно – для себя – перевёл на хулиганский язык птичью болтовню, что мелькнула мысль о трудоустройстве звериным брехмейстером.

Там бы он, особо не напрягаясь, и лишь слегка кривя смысл, практически между делом мог зарабатывать неплохие деньжата.

– Дуры! – крикнул он, – я вас понимаю! А ну! Кыш отсюда!

Бесполезно. Для разгона сходки требовалась пушка.

Ближайшие существа подскочили, потрепыхались бестолково в воздухе, и снова сели на те же места: «Чирик-чик-чик-чирик», что непременно обозначало: «Ругаться – ругайся, а покорми!»

Михейша, совсем по-взрослому согнув руку в локте, погрозил варежкой: «Вот вам всем!»

И на пинках, выпрыскивая слёзки из-под прогибающихся, заледенелых плёнок дворового мелкоозёрья, погнал портфель за ворота.

---

¹ Кобылки – концевые завершения стропил, обычно выполняемые из отдельных дощечек или брусков. Обычно имеют фигурное оформление.

Действие 3

Вышла добрая к обижаемым созданиям естества смиренная и сознательная Ленка.

Она не гадкий утёнок, она с рождения сделалась красавицей. Она учится в третьем классе народной школы №1 и ходит в кружок сохранения природы.

Сыпанула из горсти чем-то заготовленным, мелким. Разглядела в рисунке китайский веер: «Нештяк картинка! Вот так чудо-пшено!» и поскакала догонять братца:

– Миха, чёрт волосатый! Стой, тетрадку забыл!

Действие 4

Сжался круг пернатых. Соскользнула с заборов и обнажённых веток прочая пегая, воробьиная накипь. Переглянулись друг с дружкой и попёрли ближе к земле их крылатые коллеги. Засуетились враги и конкуренты. Застеснялась спуститься давеча закрепившая свои брачные отношения парочка молодых коршунов.

Неужто сыты одной только любовью?

Немного не так: просто для свадебной пищи воробьи, не говоря уж про пшено, не годятся.

– Харч этот не вкуснее мышиной дырки в плинтусе, – так они рассуждают. И выглядывают с высоты дичь покрупнее.

– Чик-чирик, пчик-пчик! Ах, какие же тут разные жильцы имеются: на любую доброту! – Так, конечно, могут говорить только серые и наивные воробушки.

– Р-р-р, гав!

Встопорщились мохнатые уши. Выглянули из будки проснувшиеся по очереди Бублик и Балбес, пораззявили пасти, встряхнулись, лениво повиляли хвостами. Сделали по паре шагов. Понюхали дно площадки с ледяными остатками борща. Помацали носами смёрзшиеся в нем крест-накрест кости. Попробовали на зуб: «Не прокотит».

Глянули на шумное птичье торжище. Опять лаконично и без всякого азарта: «Гав, гав».

И снова забились внутрь, грея друг друга вздрагивающими телами: «И то, и это – не еда. Одно название».

Зябко и некрасиво кругом.

Coda

Конец мини-спектаклю!

Класс

Неприветливо осенью детское учебное заведение. Зол на опаздывающих молокососов красноносый сторож.

Никто не помогает в ускорении передвижения джорским ученикам, засунутым на кулички.

*«...и нет у Шекспира ни дрожек, ни конки,
пряма, Ъ, как у вас, в перемаранной Джорке...»*

Вильям III—й.

(4-е Путешествие Шекспира в Сибирь)

1

Тем не менее, опоздания и следующее за ним чесание затылка, подглядывание в замочную скважину и доблестное стучание в прикрытую классную дверь учителями народной школы не приветствуются. Лучше и безопаснее вернуться на крыльцо, пересидеть на ступенях весь детский академический час, копаясь в ноздрях и ища в них изумруды.

Славнее переболтать с дядей Проклом о несправедливости и новостях в человечестве, чем норовить ворваться бандитом на урок и скользнуть в парту, чтобы согреть свою задницу соседской тёплой.

А вот и звонок. Михейша, пользуясь отсутствием учителя, незаметно пробрался в класс, скинул пальто, скользнул в парту и сделал вид, что последние сутки сидел тут, но только в ушанке-невидимке.

Сосед, вроде бы, и не заметил появления товарища, продолжая доцарапывать на обратной стороне откидной крышки коровьи рога на портрете учительши Зухры – в детстве бывалой троечницы.

– Что говорили? Какую букву терзаете? – спросил Михейша, засунув соломинку в недавно народившийся «кариес».

– Всякие, – буркнул сосед, не поворачивая головы.

Ему обидно, что он, как последний дурак, припёрся в школу чуть ли не с первыми петухами, нажравшимися бессонного порошка. А Михейше будто бы позволено всё – даже опаздывать. Такими товарищи не бывают.

А Михейша, между прочим, – владелец карманных часов со встроенным звоночком-будильником и с нарисованным на циферблате Биг-Беном.

Часы, правда, не совсем английского производства, а Михейшиного собственного – но, зато из британского картона. Так что часы весьма только приблизительно можно назвать английскими.

Но, зато Биг-Бен вышел всяко лучше настоящего. Стрелки, так вообще подлинные: они от реликтового будильника.

Завидует не только Серёга, но и весь класс.

Порой – чисто ради балдовины – одноклассники спрашивают время у Михейши.

А Михейша, поддерживая игру, выпячивает петухом грудь, важничает по-генеральски. Он выставляет вперёд ногу, выставляя условно сверкающий штаблет. Откидывает назад чёлку, подкручивает ус. Потом достаёт часы, и на минуту превращается в подслеповатого барина – генерала на пенсии в кругу слегка растрёпанных, но зато сытых и довольных крепостных, торопящихся с любимой работы домой.

– А я и так знаю весь алфавит, – говорит Михейша.

– Ну и знай себе в тряпочку.

– Зря пришёл.

– Так иди назад.

– А я Фенимора вчера...

– Нишкни, не мешай.

Ага. Звонок.

И тут же с порога к нему: «Та-а-к, наконец-то! Однако, котишко к нам забрёл... ленивый! Проснулся-таки котишко? Шапку-то сыми. Не дома, чай!»

Вот чёрт! Михейша встрепенулся телом и дёрнул руки к голове. Класс засмеялся. Особенно девчонки. Не спасла Шапка-Невидимка. На ней и погорел! Воробьи нагадали. Вот он им сегодня-то задаст!

– Полиевктов!

– Я! – и вскочил: «Здравствуйте, Федот Иванович!»

– Ты не в армии, чтобы «якать». И здороваться надо было с утра, а не сейчас. Кстати, не тебя ли я сегодня видел у ворот? Что ты там Балбесу в плоску подкладывал? Ну-ка, поделись опытом.

– Сосульку.

Класс умирает от хохота. Ещё и потому, что учитель по совместительству является Михейше родным дедом. И живут они в одном доме, причём в барского вида доме, но только на разных этажах.

– Кормил, значит, собачку? Молодец, это похвально.

Класс, вынырнув из могил, рыдает снова.

– Ну ладно, шутки в сторону. Я твою мать сегодня накажу, а ты будешь в этом виноват.

– Я... мороженное... хотел...

Класс катает головы по партам, давая смех; самые немощные вывалились на пол. Так ему и надо.

– Всем сесть. Успокойтесь. Ну, что смешного?

Класс: «Кхы, кхы», – и жмёт внутренности.

И сходу:

– А ты друг сердечный, повторяй теперь... мать твою... учения: «Аарбуз, бэбрюква, вэвишня...»

Повторил Михейша без запинки.

Только отвернулся учитель к доске, как скороговоркой для задней парты звучит: «А я вишен летом целую тарелку...»

– Полиевктов! Не отвлекайтесь. Дальше что?

– Гэ-груша! – гаркнул Михейша.

И тихо соседу: «Отгадай осетинскую загадку. Вэсыт гэгруша, нэлза сэскушат...»

– Отвали! – ругнулся сосед.

Соседа звать Серёгой. Он друг и товарищ Михейши, будущий зубрила и совсем не хулиган. Ко всему – сын попа Алексия. Ещё они воюют пластилиновыми войсками. У Михейши уже триста пеших воинов и сорок кавалерии, а у Серёги только двести. Правда, с оговоркой: у Серёги все – конники.

– Серёга, а я вчера новое царство слепил. Двадцать миллионов². Я тебя...

Как он хотел в ближайшее воскресенье разгромить Серёгино сборно-лошадиное монголо-татарочье и крестоносное воинство, изречь не успел. От доски снова пытаются:

– Дэ! Полиевктов! Опять! Что застряли? Дэ... ну?!

– Дэ – дыня, е – ель... – продолжил ученик.

И исподтишка Серёге:

– А я вчера Шишку на Балбеса ка-а-к бросил, а он ка-а-к взвился...

– Кто «он»?

– Ну, Балбес, пёс наш.

– И что?

Учитель снова вмешивается в беседу. Вот же чёрт, не даст поговорить.

– Михайло! Тьфу, Полиевктов!

Дальше ещё и с издёвкой: «Михаил Игоревич! Продолжайте алфавит».

Тьфу!

– Жэжуравлина, зэземляника... – тянет ученик резину. Скучно ему.

---

² Один пластилиновый человек у мальчиков согласно «Пакту о ведении честной переписи населения и войск» равнялся одному миллиону жителей или десяти тысячам воинов. (Прим. автора)

- Сядь пока, лоботряс. Вижу, что знаешь.
- Фу! Жуть, – садится Михейша с размаху. И тут же: «А-а!»
- В чём дело?
- Тут кнопка... тут.
- Бэмс левой! Бэмс обратной соседю!
- Серёга умирает внутренним смехом.
- А умирающим даже по башке не больно.

– ...Могли бы французский учить! – мечтает Михейша. Он давно уже читает газеты и слегка брешет по-французски. Он знает двести английских глаголов и может одним иероглифом – правда, с отрывом – написать слова «государственная почтовая служба Китая». Ему вся эта русская азбука с начала нуля не интересна. Ему бы сразу в четвёртый класс. И желательно без экзаменов!

2

На каждую вторую задержку – а по учительскому, это элементарное опоздание, – пишется письменный выговор. На третью «задержку» зовут родителей. А тихое проскальзывание имеет хоть масенький, но всё равно шанс: остаться неотмеченным в зловещем классном гроссбухе с прокурорским карандашищем на верёвке.

Михейша живёт неподалёку от школы: всего-то за пятьдесят узких дворов – каждый по пятнадцать шагов. Или – в пересчёте – по десять прыжков вдоль ограды: итого четыреста простых сажен.

Но это ему не помогает, а, напротив, расслабляет.

Да и дел по пути надо сделать немало: раздавить лёд в лужах, а их видимо-невидимо. Побрехать с Николкой, обзвать досадно Катьку – неуча, а сначала придумать для этого хлётское словцо.

Можно рыкнуть соседской собаке. Да так умело, и так по-львиному, чтобы повергнуть её в натуральный шок.

Есть смысл подложить в почтовый ящик Фритьоффа пустых бумаг, а ещё лучше – с таинственными каракулями собственного сочинения – чтобы тренировал сосед извращённый свой ум.

Надо подсушить и подпалить траву, а в октябре это вовсе не просто.

Надо проковырять дыру в тротуаре, устроить рядом капкан, вынув жердь из-под ходовых досок; надо дожидаться первой жертвы, чтобы удовлетвориться в пользе содеянного.

И ещё... очень много разных «и», невозможных к тому, чтобы всех их тут разом взять, да перечислить.

По причине регулярных и весьма обоснованных «задержек» Михейша выучил долгую жизнь сторожа наизусть и в мельчайших деталях.

Сегодня Прокл был неразговорчив, и на Михейшино «здрасьте, дядя Прокл», буркнул только «здрась...», а имя Михейшино напрочь забылось.

А Михейша, напоминаем как бы между прочим, – внук директора.

Нескучные новости из Нью-Джорска

1

Бессменный школьный староста, охранник и подметальщик двора Прокл Аверкин «глаза залил» на сорока днях почившей супруги.

Помогали заливать и усиливать боль утраты смурые и не особо разговорчивые нищие. Подсобляли шустрые, вороватые, нигде не прописанные, беззубые, вонючие друзья-стервятники из Надармовщинкинской провинции, кантон Закисловка.

На халяву чего б не побрехать, а чего б не познакомиться, что ж не посочувствовать, не поскулить с очередным вновь образовавшимся вдовцом!

Что бы не нагадать ему такой силы квёлости в одиночестве, которую реально снять можно только такой же мощи градусом!

Не просыхает Прокл с того тягостного момента целую неделю.

Не понимает Прокл причины образовавшегося вокруг него кружка сочувственников, не видит результатов лечения.

Башку крутит по утрам. Не помогает ни рассол, ни отвар из репы с крапивой от алкогольной лихорадки, ни церемониальная завивка двух ранее бодро торчащих из-под носа пучков соломы и поникших теперь безвольно, будто выстиранные после магазина, но так и ненадёванные супругой новые, городского вида чулки, ровно в день утраты – во вторник двадцать третьего сентября.

Голова с самой зари просит свежего, ледяной ломоты пузыря.

Плетутся ноги в обратную от школы сторону.

Словно забыв давний уговор, припасённый на чёрный день последний целковый сегоднешним утром щекотнул Прокла через штаны, и вежливо напросился вспомнить о нём.

И будто бы, как само собой разумеющееся, уже через минуту означенный дензнак канул в лету.

А «лета» эта, не имеющая ни рода, ни склонения, ещё более подразумевает неминуемость судьбы, от которой не скрыться, хоть застарайся, ловко схоронила себя в кассовом ящике трактира «Кути».

2

Трактир назван так по ласковой форме от имени супружницы хозяина – Якутеринии, в быту Кутьки, и, только добираясь до нежной постельки, становящейся уже милой Кути.

Юморист (кажется, это был Яр Огорошков – вечный студент-художник из Питера) дописал в вывеске фосфорной краской всего-то навсего два простецких слова: «по пути».

Так что днём трактир был просто «Кути», а ночью, благодаря Ярику, становился ещё и «Кути по пути». В скверном, насмешливом народце заведеннице зовут незатейливо, но в самую точку: «Прокутилка!»

«Прокутилка» по простоте душевной её хозяина и в виде исключения порой работает «до самого последнего важного клиента».

Категорию «самости и важности» вполне демократически определяет Павел Чешович Кюхель. Он – владелец трактира, он же болтун – каких поискать, он официант, разливальщик, повар.

Он же – коллекционер забытых портмоне, которые, вероятно уже пустыми, а на самом деле кто его знает, выставляются в остеклённой витрине, витрина запирается на ключ и...

И годами эти важные штучки дожидаются своих владельцев.

Приходит как-то раз один такой растеряха...

– О! Никакой мой кошелёк объявился, – восклицает он. И подзывает хозяина.

Пытается объяснить. Так, мол, и так. Что это, мол, в витрине пылится. Похоже будто на его имущество. А отдать вещь они не соизволят ли теперь, коли не отдали тогда? Лет пять-семь назад. Что он сам постарел за эти пять-семь, он, конечно, подумал. И решил, что его тут забыли. И что придётся бороться теперь за свой кошелёк.

Ага, забудешь такого ломтя, при деньгах, а сам сухой как баранка, что под буфетом уж второй год как прозябает. Не кормит что ли его бабёха евонная? Морда не в пузо огромная, со шрамом, и свежий фингал под глазом. Кадык гуляет при каждом слове. Забияка, по всему видно. Но пронирующий. Своего не упустит.

Кутька все лица помнит. А эту морду тем более. Как фотографию актёра-любимчика. Правда, подретушированную временем.

– Он это, тот самый, с Москвы, – шепчет шефу.

– А я и сам знаю, что он. А порядок требуется соблюдать, Кутя. Иначе из почёта выйдем... при попустительстве-то таком.

Странные тут порядки, следует заметить! С элементом, так сказать, бюрократии.

– Так и было, голубчик, вероятно, – примерно такие слова сказал Кюхель соискателю кошелька. – Мы внутрь не заглядывали, драгоценный мой. Что внутри – не знаем. Если Ваше, то вернём, даже не сумлевайтесь. А порядок он... он требует соблюсти некоторые тонкости, дорогой наш, как там Вас по батюшке и вообще. Напомните-ка нам.

Претендент напомнил.

– И что за особенности Вы упомянули? – спрашивает сей кент.

Тут Кюхель воткнул палец в потолок и громогласно обратился к присутствующим, типа господ, мол извините, типа тут требуется некоторое их внимание, так сказать и прочее, что требуется в таких случаях!

Господа повернулись лицами к Кюхелю и потребовали продолжения.

Там:

– Господа, прошу вас кого-нибудь одного, ненадолго, засвидетельствовать так сказать... чтобы протокольно. Дело такое. Дело чести, заведения нашего и сего уважаемого господина надо не обидеть, – подойдите уж, мол, кто-нибудь, будьте так добры.

Вместо одного у стойки собирается добрый десяток любопытных добряков. Это им вроде спектакля.

Соискатель называет примерную сумму и купюрки.

Ничто не совпадает как обычно. Попахивает разводом, с одной стороны. С другой стороны все знают, что тут ровно наоборот, только соискатель немного постарел, и потому позабыл детали и теперь тушуетя.

Кюхель меж тем назначает второй тур, щадя бедолагу. Он даже делает мутные подсказки, которые не так-то просто угадать.

С четвёртого раза что-то начинает походить на правду. Любопытные советуют Кюхелю прекратить мучительство над господином и вернуть кошелёк.

Под аплодисменты собравшихся кошелёк приобретает хозяина, честь заведения подтверждена, и сумма в кошельке оказалась немалой. Этой суммы вполне достаточно чтобы отблагодарить каждого участника сценки бокалом самого лучшего пива. Добёр бобёр оказался! А вы: шрамы, морда, сухарь!

Питиё затягивается. Из бытового приключения оно превращается в банальную выпивку. Вскорости забывается и причина всплеска питания, и виновник создания сей благодатной атмосферы.

Итак, мы видим, что шансы на возврат потерянных здесь денег есть. Из чего делается вывод, что заведение-то порядочное!

Где Вы такое в последний раз видели?

То-то и оно, похоже сие дело на сказочку для детей.

Относительно же упомянутых до этого случая «самости и важности» клиентов-завсегдатаев, то последние, самые незаурядные клиенты этой категории это, во-первых, иногородний, не молодой, и не совсем старый, но, тем не менее, уже бывший полицейский чин Серж Прохорович Долбанек.

Он с роскошными баками, подцепленными снизу, и с тонкими концами, завёрнутыми на заросшие уши-пельмени.

Он с липовым пенсне (стекло плоское, как грань Посольского Штофа, что на варшавской полке) ... а пенсне на золотой верёвочке.

Имеются скреплённые оловянной пайкой две половины от карманных часов швейцарского производства с рассечённой надписью на них: «За боевые заслуги – тут склейка – в боях с туркестанскими ба».

«Ба» обозначает, разумеется, «банды», но на «нды» русскому гравёру не хватило места.

Маленькая стрелка фамильных часов остановились навечно на цифре «9» в правой половине хронометра.

Большая – на левой.

В девять часов утра XVII-го столетия при переходе границы дед Долбанека потерял бы не только часы, но и самоё жизнь.

Но, так уж бывает, что пуговицы, ордена, кошельки с монетами, а равно пряжки, портупей, погоны и особенно часы порой жертвуют собой ради спасения их владельца, беззаветно подставляясь под пули и под острые, как бритва, ятаганы.

– Носите на себе больше металлических предметов, – говорили всегда будущим воинам всех родов войск, особенно уланам, драгунам, казакам.

– Не стесняйтесь бряцалок, не снимайте касок ни в жару, ни в снег, даже при запланированном и прекрасно исполняемом под барабан отступлении.

Стоимость ремонта равна тройной стоимости самих часов. Вероятность успеха такая же, как у серии операций на больном, разорванном посередине.

Девятка будет мозолить взор нынешнего хозяина до гробовой доски.

Половинки уникальных часов – предмет гордости и повод для военных бесед. Наш Долбанек определяет время на глаз с максимальной ошибкой в десять минут. Так что он особенно не переживает. Вот что значит опыт! Ура окопам! Вот что значит высшая военная учёба! Ура училищам! Ура казарме! Ура полевой кухне, ура Суворову, ура всему, что помогло воспитать таких крепких и доблестных воинов!

Каждый вечер он теряет себя в клубах дыма, а следующим днём находит.

Будучи дома, эпизодически, но полностью растворяет себя в нескончаемо изготавливаемых и непрерывно льющихся наливках собственного производства.

А утром непостижимым образом возрождается подобно Фениксу и снова хорохорит крылья, оглядывая себя – расплывчатого и двоящегося – в зеркало: хорош! герой!

Второй – тоже герой: это некурящий, тоже не старый, преданный религии, но весьма падкий на алкоголь человек, щегол, каких поискать.

Он совершенно повёрнут на душещипательных разговорах: о вреде абсолютной нравственности и о семи перпендикулярно-пересекающихся мирах: политическом, бытовом, духовном, лукавом, половом, биологическом, магнитном... Заимствованного термина «гравитация» тогда не было, потому мы останавливаем этот статистический перечень на магнетизме.

Перемножая и сталкивая параллели во всех возможных вариантах, тема нашего лектора-болтуна становится обширной до значка «восемь набок». И потому, несмотря на причёску «а ля первый доллар USA», этот человек навсегда задержался в званиях «Философ», «Попёнок», реже «Купюра» и «Доллар», а чаще всего: «А, обалдуй что ли этот?»

Мыслитель Попёнок-Купюра-Обалдуй – давний, неизменный друг и молодежавый товарищ по философским кутежам отставного Долбанека.

Посещая Нью-Джорку, они по традиции договаривались «заглянуть» в Кути. Вечерком, когда проявляется уже фосфорная «по пути», клюкнуть «ещё по махонькой». Потом «ещё по одной» – на чемоданах, после – «стременную» в дверном проёме. Перед тем, как залезть в седло, – «на дорожку». А там снова возвращались под крышу: «пить, так пить». А дальше шлось-ехалось по неизменному и бесконечному без всяких сопровождающих кавычек.

И потому нередко досиживалось до утра.

Лилась в бездонные кружки карманная мелочь, превращаясь в пропитый капитал.

Шелестели, вытираемые об лица, купюрной величины салфетки.

Летали и тыкались туда-сюда вилки, звеня, скрежеща.

Топорщились на фоне обнажённых вензелей и барышнинных немецких грудей нежные скелеты обглоданных селёдочек.

Донышки приветствовали русских пантагрюэлей шутивными по-мейсенски лозунгами и призывали к нешуточной любви: «Монархи всех стран, объединяйтесь!»

Мусолились бараньи рёбра, печёные свиные уши, усыпанные золотистыми, отменно прожаренными кольцами.

Радостный череп хряка с загорелой кожей и с пучками лука, пристроенными вместо усов, улыбался и шурился вставленными в глазницы яблоками.

Ложками черпалась икра. Красная! Чёрная! Осетровая! Кетовая!

Нетонущие пятаки клались в пену, проверяя силу напитка, сверяя результат с правильностью древнемюнихских технологий.

Пользовались рюмками без приложения рук, швыряли картами и показывали из них фокусы.

Изобличали и ставили капканы на Сверчка-долгожителя и местную достопримечательность, неуловимую как Синяя птица и скрытую как тайные кинокамеры двадцать первого века.

Метали на спор саблю в трефового короля – копию Франца Иосифа.

Вызывали на дуэль или целовались с музыколюбивой пани Влёкой – коровой попа Алексия (о, моя-то снова гуляла!), забредавшей в кабак на звук патефона. Вешали на Влёкины рога любовные записочки для попадьи, и толчками в задницу посылали домой.

Смеялись. Возвращались к столу. Брали карты в руки.

Но не проходило и пяти минут, как снова приоткрывалась дверь, и снова Влёкина голова с роскошными рогами украшала дверную щель, и снова голова упоённо хлопала ушами, ловя звуки музыки.

Обнимали половых, сражались на поварёшках, жеманно подбоченившись и уставив в пояс лишнюю руку.

Объяснялись в любви скрипачу; и от переизбытка чувств заливали его слабенькую, старческую, волосатую и еврейскую даже сквозь манишку грудь горячими слезами.

Нередко приходит сюда дядя Фритьофф. По привычке привязывает к столбу Марфу Ивановну – графинюшку.

Графинюшка – в сарафанах, и отдаёт свининой, несмотря на все их ряженые игрушечные прятки.

Стоянию в одном ряду с гордыми лошадьми она не достойна, хоть и одета не бедно. Дама – вымытая, лоснящаяся, а ума и логики всё равно нет. Всё как у людей. Ну что с неё взять?!

Фритьофф заходит и с порога щёлкает пальцами: «Гарсонша! Кутька, подь-ка сюда».

– Я Якутериния, господин месье Макар Дементьевич! Вы забыли? Я Вам давеча говорила. Вам как всегда? Начнёте с Немировой, как вчера, или, может, Смирноффки подать?

– Как вчера.

– В графинчики или в рюмочки? А винца вам как? Сразу или после?

– Сразу.

– В бутылочке хрустальненькой или толстого стекла в оплетёнке?

– Куть, ну что ты, будто первый раз замужем. Всё давай! Хоть тифлис свой давай, хоть армяшку. Хрусталь давай! Всё сразу и побыстрее!

Действует здесь джорский принцип: «пиво без водки – мёртвому припарка».

Кутька помнит всех не только по именам, но также и суммы даденных чаевых. И то даже, каким «макаром» они были поданы, причём в мельчайших подробностях. Знает она наклонности каждого, и заранее догадывается по настроению глаз – сколько и чего будет сегодня выпито, и чем будут опохмеляться с утра.

Приходит железный дед Федот Полиевктов – вечный учитель, далеко не бедный человек – скорее наоборот.

Он крепок, ловок и зарабатывает на жизнь исключительным умом.

Ещё он – местная достопримечательность, почти памятник при жизни, – со шляпой, опущенной до половины носа, в стареньком, но когда-то роскошном, камуфляжном австрийском плаще. Хорошо получились бы в бронзе его многочисленные, живописные складки!

Не снимая убора, подсаживается к неразлучной тройке. Для прочих незнакомых посетителей делает вид, что он человек не местный, что не из особо умных, а именно «из этих горьких тружеников», что потеют за столами, вкалывая подыманием бокалов.

Наблюдает за кубиками, скачущими в подносе. Делает уместные и прочего рода под-сказки, но чаще молчит.

Жмёт руки за самые удачные и редкостной, борцовской красоты броски. Потрескивают в эти минуты интеллигентские и военные косточки. Ему, как достойному и абсолютно справедливному человеку, любят поручать судейство.

– Я бы тут перекинул. Не явь! – говорит Федот Иванович авторитетным тоном, – но! – тут он обычно делает паузу и поднимает к небу убедительный перст, – решайте сами! Я только эксперт.

Кубик стоит на едва срезанной вершине. Это уникальный случай, и точных правил про это не прописано.

– Юридический казус-морталес!

– Нет, – говорят ему, склоняясь коллективом к центру игры, – тут ближе к пятёрке.

– А я говорю: это ближе к двойке ровно на пол-градуса. Потому, что у стола уклон. А полградуса в такой ситуации – неслитово.

Вот так глазомер!

Кто-то приставляет к кубику рёбра ладоней и пытается вычислить градус эмпирически.

От прерывистого дыхания и толкотни спорный кубик шатается, вертится и падает на грань. Выпадает двойка. Но, приходится действительно перекидывать.

– Я же говорил! – удовлетворённо хмыкает Федот. – Старших надо слушать: они ботвы не скажут.

«Ботва» – заимствованное у Долбанека слово. Но, Серж не обижается. Он даже рад, что его лексикон постепенно внедряется в толпу и тем увеличивает собственную значимость.

Дед Федот, цедя, выпивает чарочку, и так же незаметно, как всегда не прощаясь по соображениям конспирации, исчезает.

И снова продолжается праздник.

Словом, испытывался там весь тот родной и импортный арсенал питейного гульбища, что вместе со ссыльными революционерами, начинающими террористами, опальными дворянами и нашкодившими государственными чинами плавно и навсегда переехали из столиц в глубинку.

И уже не понимали посетители: то ли они зашли в провинциальный кабак, то ли они в Питере. Или, сидя в Макао, как в давешнем году у шикарных казиношных вертелок, гребут и тут же пропивают синие, красные, чёрные фишки.

Позже, слегка повальяжив и перекурив, кто пустую трубку, а кто самокрутку в мундштуке, вновь смыкали лбы.

Снова кидали кости, считали бронзовые углубления, складывали в уме цифры: почти мгновенно, будто самые быстрые счётные машинки.

Бранились и матюгались сердечно и со злостью. Смеялись над промахами и вылетами кубиков с игровой территории под соседние столы.

Разминая скрюченные от усердия руки, заполняли результатами брани изрешечённые квадратами блокнотные листки и салфетки.

Проигравшему ставились шуточные щелбаны. На деньги играли редко и ставки делались копеечные.

И, радуясь по-детски, вспоминали двухгодичной давности рекорды и невероятные случаи.

– А помнишь, а помнишь!

– О-о-о!

– А это... а стриты подряд два круга шли, а вместо «тюрьмы» помнишь как в «свободу» записал, а как все шестёрки выпали три раза подряд!

– Фишки-шутихи принёс, ах же ты сволочь!

– И молчал, сволота такая! Издевался.

– Надурить хотел.

– Ха-ха-ха.

– Селифаний с Мойшей сделали.

– Руки у них золотые.

- Руки у них жуличьи!
- Пиратская порода.
- Сабатини! От «собаки».
- От саботажа, дурья твоя башка.
- Ха-ха-ха.
- А нуль, помнишь, как ты в премию добавил? А я тебя поймал, помнишь же?
- О-о-о!
- Со мной так больше не шути! Я – адмирал Ух-Каков! Могу, если что, и в глаз!
- Ха-ха-ха! В глаз... Да ты и в слона с трёх метров не попадёшь.
- Хочешь, проверим?
- Слона где найдёшь?
- Зачем слона, давай сразу в глаз.
- А ты не расширайся понапрасну... перед мастером «д» жанра».
- До моего д» оживи.
- Сами таковские!
- Ёкских мы кровей.
- Ёкчане чоль?
- Пройдохи!

И так сидится по трое суток подряд.

Фотография этой исперва упомянутой, известной двойни уважаемых клиентов с припущенными штанами, держащихся одной рукой за столб, другой за кран личного водопровода, на фоне распряжённых, косматых лошадей в забралах, не единожды попадала в оппозиционную газетёнку «Нью-Джорск новостной» в статью «Как у нас иной раз ведут себя разнужданные гости из столичного Ёкска».

Или в следующий раз: «Как деньги портят хороших с виду людей».

Или так: «... поэтому г-н Долбанек С. П. привёз с собой из г. Ёкска три новых лавки с резными спинками взамен попорченных им давеча при показе борцовских приёмов шести венских стульев...»

Местных военных, гражданских чинов, мещан, запосадских, курящих и не курящих, исключение на предмет «избранных доутрешних клиентов» не касается.

И, вообще, казалось бы, какой прок охранять малоимущих, часами лежащих в тарелках, в облитых пивом штанах, с летающими по залу подобно космическим пришельцам предметами:

– Эй, половой! Гарсон! Молодой! Офици... словом, мужик, мадам, Кутерина! Мне ещё пару...

Чего «пару» иной раз выпадало из головы: «Позже подойди».

Забывалось и значительное: покормить бедную лошадку, стреноженную и пришипленную к коновязи, послать мальчишку-гонца до дому, чтобы испросить у истосковавшейся супруги десять копеек на последний шкалик. Одолжить денег тут можно только у самого себя.

Гони алкашей, и всё тут!

С богатыми по-другому! Заколебали уже их часы в залог, шарфы, перчатки, вышедшие из моды, но по-прежнему не дешёвые цилиндры индпошива, закладные на дом, позолоченные шпоры, серебряные колокольца, резные дуги, кожаные плётки, бочки с капустой, высушенные крокодилы, зубатые сомы, астролябии, кактусы и попугаи... Ещё бы каменную статушку с Пасхи припёрли! Дед Федот... Так этот как раз смог бы. Он на Пасхе, говорит, побывал и мерял истуканов деревянной линейкой с бечёвкой. А немцы металлическими приборами... И размеры у немцев оказались неправильными: идиоты – металл-то на солнце расширяется.

Да вот беда: пьёт совершенно маленько, и никто его не видел охмелевшим!
Учитель! Обследователь неизвестного и тайного. Важный человек! Пример осталь-
ным.

Места для заложенного добра уж нет в шкафчиках, полках, на стенах, а долги так
и не возвращаются.

Растёт коллекция невозврата!

Хорошеет интерьер не по дням, а по вечерам.

3

Долбанек с Долларом каждую встречу строят планы, собираясь посетить обмусоленную на перспективу неутомимую общественную любовницу, а также содержательницу весьма весёлого и слегка законспирированного заведения высшей категории с пятью звёздами на каждой бутылке, с тремя на каждой двери, с двумя на каждой единице постельного и кружевного бабского белья, с одной, обыкновенной, тощей-притощей, зато раскалённой деревянной звездой под каждой юбкой.

Речь в последнем звёздном упоминании идёт о деловой, далеко не бедной, но весьма умело скрывающей свой расходно-доходный баланс леди Вихорихе в знаменитом её приюте для страждущих любви и очарованных гостеприимством странников.

Официально то заведение называется «Хотелем Таёжным». А согласно сарафанной рекламе, попросту говоря «в народе», это «Таёжный Притон».

Отстроен отель в лесу, стоит отель на берегу полноводного ручья. На карте ручей зовётся рекой Чик.

Чик (а их в земстве не много и не мало: ровно шестьдесят шесть; мы об одной такой ещё услышим, запоминайте) вливается в Баба-Чик. Эта старушка всего одна.

Одинокая Баба-Чик непринуждённо, с высоты птичьего полёта падает, губя пустоголовых нерестовых вместе с их обречённым на загубление потомством, в большую, неразливанную сибирскую реку Оба-На!

Полно у Вихорихи не только спальных мест, но и вечного строительства. Окружены деревянные трехскрёбы начатыми пристройками, незаконченными флигельками, хламовниками, заполненными лесной дрызгой.

Нет-нет, да занимается какая-нибудь опилочка весёлым языком пламени. Нет-нет, да уголёк выпадает то из камина, то из печи, и греет, и сверлит через железо упорно, неслышно, тайно дубовую плаху. Выпархивает вместе с горячими, мерцающими ночными светляками дым из трубы.

Но, Бог и домодельный – из-под топора – «Тотем Тайги», что приякорен шпильками и цепями к воротам, стерегут, охраняют Вихориху.

Ни разу пока не случилось большого пожара: так, по мелочам – конюшенка, сарайчик, курительный павильончик: в трёхскрёбах куренья вообще запрещены. И то хорошо для нас. А то и нечего было бы сказать о деревянном Вихорихином дворце. И, кстати, негде было бы переночевать зимой и погреть озябшие косточки беглому каторжному племени.

Тропинку шириной в Сибирский тракт протоптала эта паскудная категория казённых бегунов от закона. Благодаря Вихорихе ударяться в бега стали не только в сезон. В сараях Вихорихи наряду с обычным деловым скарбом хранятся отпиленные зимние цепи и кандалы со ржавыми гириями.

Надо сказать специально для читателей-иностранцев, основательно пудря им мозги, и чтоб не подумали плохого, и чтоб не прописали в злопыхательской вражьей газете лишнего, что курьёзная русская Каторга со столицей Поселение-На это вообще отдельная курортная страна, обустроенная монархами себе на пользу (ради покою) и непорядочным гражданам для их же блага.

А бегство из такого курорта – сплошная прихоть: никто не держит любезного каторжанина там: хочешь, живи, не хочешь – иди.

Желаешь – ходи в рудник, устал – отдыхай на лесоповале, надоело однообразию – плотину строй.

Прекрасная рабочая сила там! Работают не за деньги, а для души.

Едут и едут туда целыми составами, телегами, санями, пёхом, сотнями и тысячами душ, семьями, холостыми, молодыми, здоровыми, побитыми, брюхатыми, с младенчиками, виновными, грешными, обманутыми, оговорёнными, случайными, заслуженными.

И впрок приглашённых тоже бывает.

Не хватает гостиничного типа бараков для всех приезжих.

Коли сбежишь до гостеприимного миллионного Ганга – а это далеко, – за это только спасибо.

Но: редко кто добегает до места мировой реинкарнации.

Полиция делает вид, что ловит избранных счастливых, чурящихся местной фортуны.

Количество невозвращенцев растёт. Следовательно надо расширять штаты и повышать зарплату служивым, а также всей конной жандармерии.

В Каторге и Поселении-На текучка, увеличивающаяся в каждые пять лет: со всяким беглым (а бегают они традиционно партиями, а не поодиночке, как раньше бывало) освобождаются места «для свежих».

А потребность в отсидочных местах с каждым годом и с десятилетием растёт. Надо прорезать канал от Оба-Ны до Елисейки, надо вспять повернуть какую-нибудь злосчастную реку, надо вскипятить какое-нибудь холодное море, напоить всю Землю Байкалом и осушить кусок тундры под запланированную дорогу на Ледовитый океан.

Дел в этих неосвоенных краях много: надо продырявить тоннелем вставшую поперёк торгового пути Гамбург-Прохоровка-Токио гору, по выгодному курсу променять Аляску, побить китов, вытащить из них ус и вытопить жир, слегка потоптать Чукотку, накормить моржей, котиков, оленей, уссурийского тигра, потопить без приказа сверху такой нужный японцам Варяг, подружиться с Китаеитибетом, поделить Курилы, начать копать мамонтов, никель, аурум, снарядить аврал и поглядеть на дыру в Тунгусске, замостить новые ямы и искусственные насыпи свежими шпалами и новым железом. Покричать лозунгов. Потом забыть всё это. Положить на всё сверху! Повоевать вдоволь! Устроить мировую пожню. Покосить лишние головы.

Вихориха принимает на постой не только знатных. Поэтому любит её вся Сибирь.

Пора, пора отбаллотировать Вихориху на уездную предводительницу – защитницу всех обиженных и лиц без определённого места жительства!

Отсюда до Пришлососедовки (а в ней на каждый дом старожилы приходится по три хибары пришлых – отсюда и название) всего-то двое суток конной тряски. А до Таёжного Притона ещё полдня пути.

4

Но нет, не доехала до Вихорихи соблазнённая и перехваченная нью-джорской Прокутилкой двойня гулён. Их поперёк правил честно повязали и отправили домой согласно прописке.

Лошадок в Джорке не воруют, считая это дело сильно заметным и потому неприличным.

А вот кошельки, особенно в Прокутилке, в карманах владельцев подолгу не залёживаются.

Нужные люди в жандармских шинельках, не размышляя долго, загрузили пьяную в дупель, в прах, в дрободан парочку в заказную пролётку. Прицепили «поездом» ихнюю лошадиную собственность и отправили под честное слово свидетелей по адресу в Ёкске.

Не поддаваясь на адекватные предложения честного бокса и обшарив кошельки, взяли за собственные услуги по три рубля на каждого беспорочного.

Провожатому попутчику Мойше Себайле (не забудьте это имя!) дали из Попёново-Долбанекских остатков ещё и синенькую. Из тех же кошельков.

Поручению попутчик был не особенно рад. Второе чрезвычайно польстило.

И не так скучно стало в дороге.

Чурающаяся бокса полиция Джорки – лучшая, и, пожалуй, самая добрая во всём мире.

Чин-Чин Охоломон Иванович – заместитель начальника всех охранных дел и представитель права всех граждан, любя и оберегая моральные характеристики сих важных чинов, аннулировал корявую, лишённую всякого экономического смысла запись его подчинённых в ежедневном Протоколе чрезвычайных нью-джорских происшествий.

5

– Как жить с пустым кошельком знают только у стен далёкого, жаркого Ерасулима, увитого бесплатным виноградом, – уверен Прокл. – Как избежать встречи со строгим директором, чтобы продолжать протирать штаны в насиженном и тёплом местечке?

Проклу только и остаётся теперь, что целовать лбом своё пьяное отражение в облубованном мухами зеркале, испрашивая ответ.

Чтобы не упасть на виду бойких на словцо школяров, упирается Прокл в сучковатые грабельки, изредка оттаскивая от учреждения притулившиеся к цоколю жидкие, осколочные остатки лета.

Меню поменялось у Прокла.

Замаливая грех голодом, мочит Прокл высушенный горох, прикусывает семенцем.

Снимает с бочки камень, снимает крышку, ворошит палкой укроп.

Нанизывает на загребастую вилку огурцы и без хлеба кушает их.

Запивает затворницкую еду рассолом.

Задумчиво хрумкая солёные листышки вишни, лопают запасные квашенья ушедшей на небо супруги.

Ведёт задушевные подстольные разговоры с зелёными человечками.

Журит домашних за бесхозяйственность в хате и хвалит за упадок мышеводства в миниатюрном хлеву.

Холщовый мешок в кладовке потому цел и невредим, хоть за два месяца осталось в нем зерна-муки на самом доньшке.

Не так уж и плохо, если разобраться!

Только пучит с чего-то живот, просит брюхо жареной картошки, куру и водки.

Зарплаты ждать ещё месяц.

Но! Выдержит Прокл-молодец! Ему не впервинку.

А до того, когда был Прокл красавцем и трезвенником, втихушку шептали, помаливались и тыкали в Прокла пальцем бабы, удивлённые сошествием в их нью-джерский коллектив ангела-праведника: «Живой ли ты человек, али рисунок с иконки?»

В подвале школы у Прокла вторая квартира, давно ставшая основной.

В первую он пустил временных жильцов – приезжих на фольклорную практику студентов-литераторов Лизавету Самсонову-Кариатиди с грудями, будто у только что народившей бабы, и Брызгалова Славку – тощего, как продольная половина питерской селёдки.

Зато умён и памятливы Славян как три Лизаветы.

Пишет в начале диплома:

«В указанном согласно заданию месте... (тут точный адрес) фольклора очень много. Тут и песни, тут и сказки, тут тары-бары необычные и затейливы традиции народные. Чудны ремёсла и копотливо художество самодельное. Тут присказки, плачи в смеси со смехом. Словно взяты с Востока венчалные шутки, приёмы свадебные, похороны ихние наивеселейшие, добрые, назидательные.

– Жизнь хороша, но смерть есть лучшая часть бытия на Родине, – говорят их обряды. И в чём-то они правы.

Нет явной черты между посадской частью и бедной окраиной.

Одинаково любопытна кухня, трактирский быт, способы содержания скотины.

Надо же: тут в центре пасутся коровы! В Нотр-Даме, говорят, теперь такого уж нет!

Смешны игры шахтёрские, полугородские, где ядро составляют кулачные бои без правил. Тож и зимой после взятия Царь-горы. «Массовость и привлекательность» – девиз директора U.A.«Korizub & Belg—Frank» и всей его рекламной компании.

Стравливают собак с боевыми петухами, крысиные бега в ходу. Тараканьи в ближайшей перспективе. И то против тараканьих восстают местные скрупулёзные историки олимпиад: «Не наше это, – говорят, – привозное, нет у нас африканских породных скакунов, проиграем любому».

В середине Славян пишет:

«И сексуальные игрища среди неграмотных селян чрезвычайно распространены, а уж как любопытны! Фольк! Голый фольк! В воде, в бане, в кустах чертополоха, в стогах, у костра в ночном. Пугают любящиеся на колючих сеновалах мельничных крыс с мышами, и зверей полевых. И только свиньям и кобылкам все эти хлевные сношенья до лампочки! Хрюканье да фыркание – вот их ответ на логичное, хоть и несколько шумное человеческое времяпровождение. Видывали они и не такое.

А уж как нелепо оригинальна и бестрадиционна местная архитектура, ни на что не похожая: бездна рукоделия и непрофессиональной, но такой забавной выдумки и безграничной фантазии.

Чокнутые, придурковатые и счастливые все люди! Словно недоступный посторонним и обжитый весёлыми аборигенами остров посреди квёлой цивилизации.

Логовища тут деревянные имеются в переизбытке.

Дома узорчато-каменные и просто каменные встречаются значительно реже: в пропорции полтора на сто деревянных.

Растут как грибы землянки, лабазы, сараи, хлева, хранилища. В борах и лесах смешанных – охотничьи домики мелькают в ветвях, числом как гнёзда; есть избушки на своих тихоходах...

Захаживают в Нью-Джорку охотно, как в бесплатную зимнюю столовку, волки, лисицы, медведи, иной раз – лоси. И, судя по частым ночным крикам жильцов, всполохам петушиным и ночным бляньям, питаются эти нередкие спонтанные гости – те, что не хуже татар – регулярно и по дореволюционным меркам вроде неплохо.

А уж как староста с переулка Фёклы-казачки приплясывает с девками – любо-дорого посмотреть.

Вывод: сюда киношку надо везти и съёмку делать... хватит на десять американскихъ сёрв...»

Пишет ближе к концу (а это сотая страница диплома):

«...и Лизка – дрянь, тоже не станет глядеть, ей бы в стакан заглянуть: совсем попортилась девка в местной глуши. И пошла, кажется, по всем рукам, которые только готовы эту шутиху мацать».

И в самом окончании:

«...и всё это полнейшая чепуха, отсебятина, шелуха, мусор, навоз, пепел пожарища, ни одного явного артефакта... Сметёт всё к чёрту революцией, дождёмся.

И пошли вы все нахрен, потому что читать наш говняный диплом всё равно никто не будет.

А я запишусь на войну – всем вам и родителям назло и себе на потеху, матушку вашу! Вон они – ходят переписчики с повязками будто на рекрутском соборе!

Хренов вам, господа профессора, фольклор: в солдаты иду».

6

Прокл не против, чтоб ревнивый Славка пошёл в солдаты. Нравится ему самому Самсониха-Кариатиди!

7

...В подвале школы есть ещё склад отжившей срок мебели: там изрезанные ножичками парты и поломанные лавки. Есть слесарный и столярный инструмент. Имеется кухонка – в миру «Преисподня», а фактически она – кофейня директора, и она же учительская на три персоны.

Перед сном Прокл вычёсывает шелуху запущенных пяток, применяя нелегально добытый в общественной бане кусок пемзы, на стройке – кусок кирпича, на мостках – морскую вехотку, напоминающую миниатюрную воронку смерча.

У плотины – о чудо! – кухонное хозяйство обогащается самоделочным – из плоского напильника – бандитским ножичком, выдернутым из развалившегося на запчасти утопленника.

Грызёт Прокл без устали жёлтые ногти рук, ловко перекусывает заусенцы и горестно плюёт добытой органикой в окно, удобно расположенное у самой земли.

Была б земля плодородней, то вырос бы под окном целый легендарный лес кустистых ногтей и закрыл бы он собою и школу, и солнце.

Из окна видны гимназические ворота, за оградой топорщится облезлая луковка и чуть-чуть более целый гонтовый шатёр церкви.

...Заигрывает с революционно плывущими облаками колокольня...

8

В солнечное утро, ровно в семь тридцать пять, двадцать третьего октября с Рождества Христова по григорьянскому календарю, – а безветрие и тучки вчерашние куда-то, надо сказать, словно по заказу расползаются, – тень от колоколенки родится. Стелется, ломаясь, аж по шести крышам, выстроившихся будто по линейке с востока на запад.

Конец тени с двумя дырявыми насквозь спаренными арками ровно в семь сорок пять взбирается на известняковую стену раскольничьего, а позже – при батьке Ермаке – казачьего скита.

Теневой рисунок арок с точностью до десятинки вершка повторяет рисунок окон упомянутого в казачьих летописях охранного дома.

Так что, если вы глянете из одного из сих окон, то увидите солнце, обрамлённое волшебной изящности аркой.

Красотища в раме и вопросище в голове: почему так?

Отойдѐте к следующим окнам – картина другая: солнце уже сбоку и лепит вам луч в ухо.

Тень от носа ломается на косяке, напоминая Гоголя.

Да, действительно странно, очень странно.

Не иначе как древняя обсерватория, едрѐный ты корень! Язви его!

Не иначе как обсерватория построена не просто аляпом с авосем, а как будущий Знак Михейшиного рождения.

Не иначе как намекают на важность Михейшиного присутствия тут, и на бронирование ему места в книге нешуточных Историй Российского государства!

Но, волхвы не пришли ещё к Михейше в гости.

Далеко не Христос Михейша, скорее наоборот: чрезвычайно хитѐр, непоседлив, но умѐн чертѐнок, этого не утаить! Значит, не обсерватория то была, а простое совпадение.

Такое же случайное совпадение, как план пирамид и разрез по вентканалам вкупе с созвездием... Ориона, мать его, что в центре Вселенского зоопарка: Стрельцов по Псам, Раков, Лебеда, Щуки, Кобылы. В космических баснях Михейша не силѐн.

Свой теневой Знак он вычислил точно.

В первые семь лет своей жизни водил по утрам родителей и дедов к приуроченному к чернокнижице природно-искусственному явлению.

Там же, папенькой и маменькой вручались ему подарки, приговаривая фамильный стишок и дѐргая уши:

– Не будь лапшой, поглядывай в оба,
хитри, завирайся, да не особо!

9

...За воротами школы вторая по главности площадь Нью-Джорска, по вечерам напоминающая оживлённостью Ёжского производства Сад Буфф.

Здесь проистекает совершенно другая – весёлая и беззаботная жизнь.

Со скуки и отсутствия денег решил одичавший Прокл лузгать семечки, – вон их целый мешок подсолнухов, – и под щёлканье обломков жёлтых коренных слушать вечерами уличное радио. К сему железному с картонным глашатаю новинок культуры, как только выставили мудрёный прибор, собирается теперь – а раньше крючком не затянешь – четверть населения Нью-Джорки.

Изрядное число разных новостей о войне и мире, о рождении сто девятнадцатого монарха в Сиаме (что за страна?) несётся с железа.

О возросшем количестве волков в товарищеской Тамбовской губернии поговорят.

О возрасте дубов и буков в Гайдпарке где-то нароют. (Где ж такой смешной Гад-парк?).

О количестве армейских дирижаблей (чьих?), привязанных к вершинам секвой, дырявящих тучки (а это что за страх?).

Вспомнят о зубной пасте из кремния и поташа (что за хрень?).

Словом, много чего любопытного и таинственного сообщается из радио.

А ещё больше несётся оттуда утешительной народу и горькой православию дикой, разгульной, смущающей музыки. Там мазурки, запорожско-военные гопаки, вальсы венские, кендзы японские, чечётки бетельгейзейских хомосапевидных тараканов. Жгут по публике танги греховные бразильские, аргентинские, прочие и разные, как кошки и рыба.

Устроили уездные начальники для увеселения шахтёрского народишка уличный клуб с танцульками на булыжных камнях. Грузинские пляски, да хохлятские ухватки против всего этого отдыхают в конце очереди.

Для душевных разговоров насадили лопухастых тополей и натыкали вдоль оград лавок.

Для развлечения детского поставили качалку, гуливерские шаги. Вы тут микробы против них, и страшно даже смотреть, не то чтобы круги резать там.

Воздвигли карусель. А зимой делают лабиринт из кисловского льда. При этом с прожекторной подсветкой. Лектричество им, видите ли, лишнее!

Подумывают о фонтане с вертящимися гипсовыми лебедями, с красноносими гусями-селезнями и золочёными петушками.

Всё торчит прямо напротив простецкой и толстой как в каземате Кронштадта Прокутилкиной дверцы.

Хозяин трактира Павел Чешович Кюхель (а, снова он!) готов совместный пай держать там и сям.

Прекрасное руководство в Нью-Джорске. Рай, да и только. Нью—Йорк, Шанхай, судя по количеству расставленного света и... закрой варежку...

Стоп! Никаких гетт! Никаких краснофонарных кварталов!

Нет там света ночью, начиная во все стороны от иллюминированной площади.

Никаких намёков на иноземную пошлость! Максимум разумной экономии и моральной пользы!

Гуляй честной народ в темноте и при свечах, пропивай пензию, забудь о голодных бунтах, о сходках, о пожарах и недовольстве! Еды и пития на складах завались! Ну, где ещё таковского найдёшь на восток от столицы?

10

Дивится неуклюжий, наступленный медведем, Прокл красоте звуков и сбалансированности их с посадской звонницей.

Управляет всеми типами музык, дёргая спутанные вороха бечёвок, крутя вертушки волновых настроек, продвинутый Мирошка-колокольщик с волосами до плеч, скрывающими растопыренные и розовые локаторы его. Мирошка курит еловые иголки, говорит: жутко полезные вещества прут с того в мозги и добавляют знаний в искусствах.

Храм знаний, радиотруба и церковь «Всех сокрушающих радостей» с земным Мирошкой, вознёшимся от нужности своей под самые облака, расположены бок о бок.

– Новости! Опять сшибательные новости! Сегодня вечером дадут отменные американские но-о-во-сти, – кричат вольные озорные мальчишки – глашатаи: «Финишен Интернетеймен! Сэнди Росс едутЪ сюдысь! Синди энд Патрик наслышаны нашего фольклору и тоже готовы со Спарками, Стенлями, Линдслями ехать в Нью-Джорск. Сымать кино про нас будут!»

Ждали артистов с киношниками ровно сто лет и тридцать три года.

11

Сняли-таки! ишь, чертяки синемастые! хвильму про нас!

На краю деревни нашли остатки фона. Половину фона подложили под боевик, другую заменили кактусовыми штaketниками и росписями по павильонной фанере. Получилось неплохо и вроде бы даже смешно. Похоже на Квартальчик Собачьих Драк³. Похоже на мультик: беготня с саблями по всей Руси, пожарчики, кулачные бои, праздники, весёлые революции, несбыточные мечты о мире (какому зрителю мир интересен?) и кровавые диктаторы с широчайшими улыбками на лицах, и все, как один, в солдатских кальсонах.

Правильно разрисовать их может разве что Дюрер-немец, а оценить и пропечатать «Швайнен унд Брудер».

Красота! Ранний пример коммунизма, равенства, братства!

И что же с того?

А то, что после деревни начали снимать боры, снега, отступления белогвардейские и нечаянно нашли почернелые останки «Хотеля Таёжного».

Нашли их владельца. Вернее, владелицу. Теперь «она» живёт в Париже неподалёку от Форума.

Правнучку Вихориhi зовут Фаби. Фаби любит Nexte, покуривает травку, однажды переспала с Кирьяном Егоровичем Полутуземским, дважды с Ченом Джу (на ступеньках Форума и в фонтане Стравинского) и обожает читать Мишеля Полиевктова в подлиннике.

В Нью-Джорке обнаружили совершенно целёхонький «Кути по пути», отделанный, разве что, алюкобондом, и с пристроенным флигельком в семь этажей.

Отсюда следует, что всё то «гугло-нудло», что выше было написано, является самой что ни на есть правдешенькой правдой.

---

³ Ссылка на некоторую территорию в романе «Осень Патриарха» Г. Г. Маркеса.

Чокнутые с малолетства

1

Закончился короткий по-бостонски завтрак у младших.

Хруст, схожий с ходьбой по свежесвыпавшему градобою, или со скрипом зубов, если применить сей жевательный инструмент к еде из стеклянного порошка, пошёл теперь от центрамира немалой и нескучной семьи Полиевктовых.

Сердце и мозг Большого Дома имеют серьёзное двузначное наименование этого объединённого органа: «Библиотечный Кабинет».

Зацепленный нами Кабинет этот – священная Мекка, знаменитая пирамида Хеопса, знатный Капитолий, занятный, но недоступный клуб Ватикан, званный штаб Клуба Диванных Путешественников и Спальная Служба хозяина.

В присутствии Хозяина – дедушки Федота – это, прежде всего, публичная читальня «для своих и со стороны», сравнимая по многообразию жанров разве что с Александрийской. Она двухсветной высоты, с тремя выносными галереями-ярусами по контуру стен, с книгами на вынос и без предварительной записи.

Она удобна для пользования: без очередей, с самообслуживанием, с недействующим гостевым кальяном – какому чёрту он тут нужен – и кофейным прибором, замученным непрерывным извлечением прока.

А в отсутствие хозяина это главный игровой и спортивный зал для двух самых молодых домочадцев женского пола, банты и макушки которых едва выше крышки стола.

Девочки приходят сюда без кукол, но зато с корочками жевательной извести в карманах и сгустках их во ртах.

Они, с каждым месяцем юных жизней, всё глубже и выше осваивая пространство, порой неожиданно, словно корабельные обезьяны в момент пушечного выстрела, вдруг начинают орать и пищать пиратскими лозунгами, кидаться мелкими объектами, носиться стремглав по антресолям и испытывать на динамическую прочность средства вертикального передвижения.

Лестниц в кабинете, кстати, по всем пожарным правилам, две.

Первая – стационарная винтовая, негорючая, выполненная из наборного чугуна, расположена рядом со входом.

Вторая – её правильной назвать «лестниЩЩЩа» – передвижная или, правильной, перевозная. Тяговая сила: ручная.

Она с массивными деревянными колёсами.

Колеса неоправданно brutальны: они будто бы предназначены везти стенобитную машину с катапультной, цивилизно и по-модному слитых в одном предмете.

Девчонки по принципу скалолазов: чем больше на вершине льда, тем интересней водружать флаг, снимают с верхних ярусов витиеватые фолианты, залистанные книги и изъеденные ветхостью книжонки, ранее им санитаро-аморале недоступные.

Скрытым нюхом следопытов-первооткрывателей находятся экземпляры с самыми-самыми распрекрасными картинками, которые, естественно, прячутся от девочек злющими врагами передового столичного журнала «Эротическое просвещение провинц-молодёжи».

И, естественно, что на самых-присамых верхних полках.

Они, словно древние строители на известняковом плато, копошатся на тёплых досках инкрустированного дубовыми бляшками пола.

Они обкладываются параллелепипедами книг.

Собрав количество, достаточное для производства личного гнезда, водружают жилые пирамиды.

Затем забираются внутрь – каждая в свою ячейку, – и только там начинают листать и смотреть картинки избранной запретной, но такой милой от этого всего вещицы.

2

- Пора обедать! Всем вниз!
- Мы заняты.
- Подождём Ленку с Михейшей.
- Они уже подходят.
- Это они в сенках стучат?
- Они, милые. Лаптями тряся, колы-двойки неся.
- Хи-хи-хи. У них сапожки с подковками. Даже не валенки. И пятёрки бывают.
- Не хочу есть: я сытый солнечный диск, я качусь по небу в свой звёздный муравейник.
- Кому-тебе говорю! Эй!
- Неа: я фатефон Татунхамат.
- Девочки не бывают фараонами, – сердится бабка Авдотья.
- Тогда мы обе Нефертёти.
- Нефертёти разумны и сообразительны не по возрасту.
- Деда Макарей (мсье Фритьофф, батюшка Алексей), у вас есть «питонцы»?
- Детей имеете в виду? Или змею?
- Нет, канарейку, болонку, хамелеончика.
- У меня только домашний музей.
- У меня колледж для поросят.
- У меня приход и своих семеро под лавкой.
- Полошить на штол луковишу... начинает Даша-глупыш,
- ...и заведётся ручной сверчок, – заканчивает Оля-умничка.

3

Процесс познания и строительства храмов развлечений в Кабинете-читальне бесконечен, ибо бесконечны ископаемые дедовы карьеры.

Все полиевктовские девчонки с трёх лет сочиняют устные стихи, с трёх с половиной – сказки, с четырёх пишут межжукольные романы.

Начало собирания сокровищницы положено Федотовыми прадедами. При последнем переезде в Джорку для перевозки библиотеки дедом Федотом (тогда он был просто Федотом Ивановичем) был нанят и переоборудован грузовой вагон. Вагон до самой крыши набился печатной продукцией и строгаными начерно брусками. Из брусков, чуть поправленных резцом столярной вертушки, позже сделались каркасы стеллажей.

До деревни от Ёкского вокзала библиотека ехала караваном. Нет, не верблюжым, не ослиным, но из... Просто из... Просто из немыслимого количества неиндейских подвод, ведомыми неегипетского вида мужиками, одетыми в неевропейские зипуны и обутыми в ужаснейшие, совершенно неавстралийского вида чуни.

В перерывах между «чтением», пританцовывая и вальсируя, юные читательницы и спортсменки ходят кругами по галереям и ощупывают богатые резные украшения интерьерного убранства. В них с возрастом выискиваются всё более новые, и всё более разгаданные весёлые подробности.

Что вам ещё рассказать?

А то, что всё спортивным обезьянкам доступно для исследования и ломки. Всё, кроме приличной величины и грубовато состряпанной из железного лома люстры, свисающей со стропил до геометрического центра описываемого пространства.

– Дедушкин стол притягивает люстру как магнит.

Поэтому люстра не качается.

Олечка, проверяя это некачательно-магнитное обстоятельство, оставила на зелёном сукне молочные зубы.

Даша уронила на себя «Беспамятную собаку⁴», скучающую без дела во втором ярусе библиотеки справочников.

Старшая Леночка в своём детстве аналогичным образом и чуть ли не смертельно близко познакомилась с симпатичными ребятами – Яшкой и Вилькой Гримм. Те – радостные, отбросившие страховку циркачи, летели со «сказочной» галёрки третьего яруса на любовную встречу с Ленкиной головой.

От мозгосотрясения и непредусмотренных природой наростов, спасла картонная и цветастая бонбоньерка⁵, надетая в качестве Сорбоннской короны⁶.

Младшим девочкам не претит часами вошкаться в кресле, забираться с него на магнитный стол-монумент и переставлять с места на место занимательную дедову канцелярию.

Любят колотить в рынду, названивать в мелкие коллекционные колокольчики, приспособив для катания отломанную носорожьё часть черепа, наливать компоты в мозги бронзового Наполеона-чашки и ловить вишни оловянными, рельефными ложками со следами битвы при Ватерлоо.

Катают они по полу двухпудовые дедовы гири, вытряхивают мелочь из китайской и удивительно прочной поросёнок-копилки, трут пуза божков-обжор, удивляются несурраз-

---

⁴ Намёк на *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, где словосочетание «беспамятная собака» вставили назло издателю шутники-составители.

⁵ Коробка для качественных конфет.

⁶ Намёк – выдумка на преподавательский головной убор.

ности некоторого вида круглых, дырявых, каменных, деревянных, верёвочных – с навесными жемчужными раковинками – денег.

Ожесточённо, с проклятиями и угрозами, со смехом и прибаутками, на все лады трут шальные девчонки бока посеребрённого и пыльного кальяна-кувшина, в котором спрятались и столетиями сидит бородатый, испуганный, стеснительный джин-жадюга.

Ни разу не показался он девочкам, ни разу не дал проверить себя на всемогущество по части исполнения самых простецких их желаний.

Даше всего-то-навсего хотелось выпросить себе маленькую гамбургскую куколку в немецком сарафане, а Олечка хотела один-единственный раз обернуться вокруг всей Земли и посмотреть, где, в какой стране больше обезьянок. И при возможности найти и прибрать себе самую хорошую, самую умную Читу, умеющую разговаривать человеческим голосом, чтобы взять с неё интервью про жизнь динозавров⁷.

Попугаиха Фенька, сидящая в потёртой соломенной клетке, подвешенной к Пальме, как-то раз непокормленная, будто в отместку забыла весь свой богатый артистический репертуар. И на любые вопросы домочадцев всегда, словно заезженная и старая пластинка Шаляпина шипела всего лишь одним из трёх вариантов: по-русски «Молчи, Фенька-дура», «Р-р-р, попугая мать, попугая мать, попугая!», и с сильным китайско-немецким прононсом: «Фуй-Шуй ес, Конфуций ба, фуй-шуй йа!»

Про свою прародительницу – прамать ея – Фенька обычно повторяла, если не накрывать её тканью, не останавливаясь ни на секунду ровно триста шестьдесят пять раз – не больше и не меньше.

Фенька знает високосный год и кричит-вызванивает подобно ацтекской кукушке соответственное количество.

Михейша на спор с дедом побился, что сможет довести Фенькин рекорд до двух тысяч двенадцати раз.

И как-то раз...

Нет, нет, мы сильно отошли в сторону.

---

⁷ Даша не делает разницы между динозаврами и зверьми.

4

Итак, пусть не самое главное, но: девчонки просто обожают крутить глобус грубоватой, похоже топорно и малоискусно скопированной с английского первоисточного образца.

Горы, низменности, океаны не просто нарисованы: они скульптурны и потому великолепны!

Их вершины пробивают толщу стратосферы и потому являются частью космоса.

Рыхловатая их поверхность сделана из папье-маше. Леса выкрашены изумрудной зеленью, океаны – берлинской лазурью, мелководья – кобальтом небесным.

К стойке глобуса прикручен вензель изготовителя – «Основанный Его Величеством принцем Генрихом, штатгальтером Люксембургским, адмиралом флота Нидерландского Географический Копийный Печатный Двор» (G.C.P.C.).

И фраза на металлическом диске основания: «С нанесением несовпадений г-на фра Мауро и достижений глобуса Золотого Яблока, выполненного г-ном Мартином Бехаймом, а также учтены сведения и нанесены основные корректировки с атласов Герх. Меркатора и Theatrum Orbis Terrarum г-на Абр. Ортелиуса. Отм. и выделено в порядке перечисления сих славных сынов: бронзой, серебром, красным, синим контуром и соотв. шрифтом».

Имеется и надпись, сделанная самим хозяином глобуса – дедом Федотом: «Линии Антарктиды, нанесённые с портолана⁸ г-на адмирала Пири Рейса от 13.. г. н.э., он соотв. с участием ранних карт Орнелиуса Финиуса, нанесены мною пунктиром. Средиземное море и Понт Евксинский с карт А. Македонского – пунктир серебряный».

Девочкам наплевать на эти важные картографические тонкости.

Они увлечённо плавают по морям и океанам, ведя мизинцами крохотные деревянные модельки каравелл и стручки акации – это джонки. Указательным и средним шагают, бродят, вымеривают плоскости, впадины и реальные выпуклости континентов.

Они смеются над буквами «N», «R», «Q», натолканным там и сям, и так похожим на правильные «И, Я, О», но только с ошибками и всякими выкрутасами вроде хвостов, косичек, змеев.

В огромном этом Земном Шаре, если бы между меридианами и параллелями удалось прорезать калитку, смогло бы разместиться в съёженном виде с десятков – а то и больше – таких любопытных и прелестных дюймовочек.

Глобус странен: земная ось в нём воткнута в экватор. Ввиду этого Шар вращается не по правилам: с севера на юг и в обратном направлении.

Но девчонки, ввиду своей малости, этого курьёзного вымысла не знают.

Зато Михейша знает, но не делает из того помпы. Дед попросту обожает изучать оба полюса, а ось вращения ему там мешает.

Аркаша-столяр вправил ось так точно, как ему было заказано. И заработал на этом бесконечно понравившуюся ему фриттовую⁹ статуэтку «Заблудившаяся в райских кущах пастушка с агнцем». Пастушка обнажена, овечка одета кудрявой шерстью и несъедобна. В раю – известно дело – питались бесплатно фруктами. Зачем тогда девчонке таскаться с агнцем, спрашивается, если кушать всегда было навалом?

В глобус вбиты булавки с флажками, булавки соединены нитками. Смысл ниток не понятен никому кроме деда. Ещё более они бы удивились, если бы узнали, что флажки на равных основаниях воткнуты в совсем непримечательные и забавные по названиям и, наоборот, в весьма почётные места. Например, самый большой Федотовский флажок торчит

⁸ Особого вида морские карты.

⁹ Разновидность мягкого фарфора.

в Антарктиде (вот что ему там делать?), чуть поменьше – в Гизе и рядом с Суэцем – в Александрии. Есть по нескольку в обеих Америках, пара в скандинавской лошади и во фьордах, похожих на развесистые женьшени. Один флаг отчего-то в море, неподалёку от Гибралтара. Воткнуто в остров Крит, в Рим, в Лиму, в альпийскую подкову, в большой город Vailing, в Великую Китайскую стену, в Макао и Гоа, в зебру Суматры, в Тегусигальпу, в лёд Арктики, в австралийский песок.

Зелёный флажок тоскует посредине Сибири.

На флажке рукой знаменитого путешественника по глобусам – Михейшиной рукой – коряво выведено: «St.New—Dzsorsk – my tut szsiwem».

Отсюда следует, что Нью-Джорск – город совсем не простой.

Он чуднее не бывает, потому, что это родина наиНЕпутёвейшего в мире, начинающего жизнь молодого гражданина Михейши. Он ещё всем покажет!

5

Не стоит и говорить, что Кабинет никогда не закрывается, а проходимость его конкурирует с успехом объединённой кухни и столовой залы.

Аборигены дома называют это нешуточной величины и растянутое на спор двумя паровозами проходное общественное помещение «Рестораном Восточного Вокзала». Третий недоверчивый паровоз судил тот спор.

Сокращённо помещение называется «РВВ».

Полтора вагона с залом, с барной стойкой и кухней вписались бы в это помещение, и смогли бы накормить в две быстрые смены всех пассажиров поезда «Москва-Пекин».

Дрожжи

1

– «Москва-Пекин», ха-ха-ха!

Сочетание двух столиц в одном слове вызывает неизменно устойчивый смех домочадцев.

Стократно повторённый и заученный наизусть рассказ о долгом путешествии из Пекина в Сибирь ящика сухих дрожжей пользуется долголетним успехом у гостей дома.

Дед Федот приносит и показывает в качестве документальности случая затасканную телеграмму начальника Иркутского отделения Тр-с. Сиб. железной дороги, предназначенную вроде бы официальным лицам, а больше всего касающуюся мещанки Полиевктовой Елены Игоревны, пол женский, 18-ти лет, проживающей в посаде Джорск (ныне г. Нью-Джорск) Ёкской губернии, пр. Бернандини, 127. Телеграмму Ленка вынула из мусорной урны почтового отделения.

Вот её длиннющий текст с некоторыми цензурными поправками... нах. «Нах» это уже начало телеграммы, а не выдумка, не ошибка, не балдёж сочинителя.

Итак:

«Нах вскл 04 июля 19** года тчк

Его высокоблагородию командиру перл тире охранного отдела Ёкского жд почтового усла тчк

Стенографирую живую под страхом расправы со слов коменданта поезда Пекин тире Москва скб литерный скб Головоотяп ЕС епт вышедшего ис г Пекин реисом NN тире 4021 01 июля 19** года тчк

По поручению его превосходительства гна гла Спирина КВ

Буква сэ Сина Синаида как есчо объяснить вам что буква Синаида не работает

Телеграф морзе дрянь от мороса или ху ево снает почему не отбиват набор простите тчк меняем оную на букву Е тчк спешу извините нах тчк грозят наганом вскл

И краткая не работает тож тчк наган над ухом тчк буду не жив списывайте на этого слога гражданина началника поезда 4021 прощевайте еслив что братья тчк

Уважаемыи господин Ривош Я точка Г точка епт прощу срочно принять меры вскл

В нашем поезде тире багажном вагоне номер 2 литерного состава чресвычайная ситуация тчк Некто епт насвавишиися в документах поручиком Гольским А тчк С тчк епт с соответствующими полномочиями Манчжурской миссии его Величества Императорского двора отправил ис города Пекин дипломатической почтою сапечатанную посылку синаидапт вашу мать синаидапт которую главное Пекинское отделение не сумело согл правил епт или поленилось их мать ити секретно перлюстрировать на предмет внутр содерж тчк

Посылка находится в пути тчк

Уважаемыи господин Ривош епт вы епт конечно епт понимаете сегодняшние трудности с передвижениями поездов тчк

Политическая и экономическая ситуация такова епт что поезд ептыт вашу мат движется с серьёзным отставанием график тчк как всегда впроч нах тчк

Ввиду того епт что посылка епмать как выяснилось епт саполнена не бомбами и не почтой ити мать епт а дрожжевым веществом епт а наша гражданская багажтехника не снабжена холодильными устройствами епт

Уж начиная от границы посылка стала издавать сапаху епт несовместимые с нахождением ее в дипломатическом отделении багажного вагона тчк

Черес сутки пути ящик начал издавать булькающие свуки епт а еще черес некоторое время ис ящика потекло желтым тчк

Мы приняли меры На свои страх и риск мы перемещаем посылку в медиц поезд епт следующу паралл направл Екса тчк

Конкретно в вагон тире холодильник системы Силина нум 535944 СТ МВР прикомандир военно тире санитар поезда Харбин тире СПетерб тчк

Просим Вас немедл и саблаговр высватъ гражданку Полиевктову Е тчк И тчк с поселока Н тчк Джорск для вручения адресован ей посылки тчк

Предупрежд иби вашу мать ибо двоеточ на дворе июль епт даже сист Силина не дает надежн гарант спт что этот вагон не вслетит к чертоматери в ближайши два дня тчк

А вам придется отвечать са порч гос имущества и иметь неприятност госпожою Е И Полиевктовой епт у кот по сведениям имеются серьесные свяси с губернатор и экспрокурор Екса епт с начальством всея нашея и вашея несчаствн транссиб ЖД тчк

Когда епт черт восьми епт в вашем гребаном Ексе население будет иметь такои простои продукт как дрож тчк грибок три вскл три вопрос снак

Вписду такая ваша работа вскл

Буду жаловатса вашего губернатор включ глав охранныск вскл

Подрываете основы государства бляди вскл

Не воина зпт не плен не тюрьма бутто могли бы саботица кормежскои населения дрожжами тчк

Адрес гр Полиевктовой прилагаю тчк

Ноги в руки и успеха епт едрении ваш хер вскл

Нахер мне ваша а пожалейте нашу и мою сарплату тчк

Деиствуете немедля тчк страхом расправы»

2

Телеграмма редка длиной ленты: 5,5 м. Даже начальники фронтов не пишут таких.

– Ха-ха-ха!

Посмеёмся вместе с гостями и мы.

Ресторан Восточного Вокзала

– Сегодня в РВВ подают фаршированных кур, финно-угорскую утку в скляре и савойскую пасту! – слышны иной раз утренние переговоры мужчин.

– Может, рыбу в скляре?

– Я сам слышал.

– А у меня кроме ушных раковин мозга есть.

– А сколько курей в насестах?

– Хватает пока. На Благодарение, вот, отец Алексей обещал индейскую несушку поднести. Шибко хороши индейские курочки, говорит. Плодовиты несусветно, и мяса в них по пять фунтов.

– Смеёшься, батя! Уж не страусов ли тебе взамен индеек с Австралии батюшка Алексей выписал?

– А хоть бы и страусов. Хоть бы с Аделаиды-порта. Тебе хоть кол теши на башке: сырую картошку с редькой хрумкать горазд, а внучкам моим будет здоровая польза.

В школе натуральный расчёт. Причём, по искреннему желанию, а не по обязательству. Дед – учитель, директор, меценат принимает или отвергает подарки по собственному почину сердца. С бедных не берёт, а за барчуков и зажиточных платы не чурается.

Время обеда.

Пришли и раздеваются в сенцах голодные школяры. Младшие уже оседлали стулья.

– Я не хочу курицы, вчера она была живой! Я ей зёрнышки давала. – Это Даша. И она плачет. Её не удосужились спросить: какую курицу можно резать.

Весь курятник с именами. Есть куры добрые, а есть вредоносные капризницы, которые сами напрашиваются в суп.

– Да, Пеструшка была душевной курочкой. – Это Оля с куклой Катериной в руках. Кукле рассуждения безразличны. Кукла только что примеряла новое платье. Кукла живёт на Земле Королевы Мод. В платьице ей там холодно. Но Олечка не в курсе дела. Тут обман чистой воды.

Михейша – старший брат девочек. Он любит розыгрыши. Это он поселил куклу Катерину на ледяную Землю и убедил Олюшку, что там родина всех её кукол. Дашины куколки и тряпичный их Маркиз ди Палисад живут славно и дружно, как мясо в борще, на скалистом каблуке итальянского сапога. Ленкины – они чопорней – обитают в Лондоне, Париже и Берлине.

– Добросердечная курочка, значит, вкусная, и сердце у неё мягкое. Я буду сердце, – рассуждает лицемерный от возмужалости Михейша. Садится и тянется к блюду.

– Мне, чур, только белого мяса. – Это Ленка-неженка. Она уже успела скользнуть в кабинет и вынырнула из-за портьеры с новой, припасённой заранее взрослой книжкой. И по одной только книжке и по шелесту только что надетого длинного, совершенно не казённого, не школьного платья – с лямками, всего в кружевах и оборках, стало ясно, что она – самая старшая сестра и самая главная героиня обеденного спектакля против остальной мелкоты. И все несчастья транссибирской железной дороги тоже идут от её скорости взросления и поразительно классического вида фигуры от головы до пят, включая главный фэйсад лица. Она не любит пупырчатых шкурок и молочной пенки.

Вот так, ёпть, дак деревня! Где ж такая, чтоб пенок и шкурок не любить?

– Всем сидеть смиренно и не рассуждать!

Это баба Авдотья. Она в доме вторая по главности после деда. Рассудительная Ленка на третьем месте. Папа с мамой – декоративные лица. С этим согласны все.

Пришёл дед Федот, в сенцах присел на лавку и отвинтил заиндевелые шнурки оранжевых ботинок с белочным мехом, с голенищами почти до колена, с крючками вместо дырок. Нерусь! Ну что за фасон!

С порога залы, не глядя, заученным движением дед зафинтилил картузного вида утеплённый изнутри берет в вешалку, расположенную к нему под острым углом. Попал. Зимний вариант картузоберета поболтался и затих на счёт «четыре».

– Не фу себе! – вырвалось у Михейши.

Дети застыли в стеклянной неподвижности – каждый со своим съедобным предметом, Смотрят на него, переглядываются и недоумевают: откуда у деда эквилибристская сноровка? Небось, и ножи умеет метать, и мячи в корзину через спину и с центра поля.

– Дед, ты, поди, у Гуда учился? – Это Ленка.

– Чего-чего?

– Ну... у разбойника, у Робина... который.

– А-а-а. Учился слегка. А ты книжку-то почто с собой таскаешь? Умной хочешь выглядеть? Мы и так это знаем. Жиром хочешь помазать устремление твоё, чтоб блистало как Михейшина шевелюра? Неси книгу назад. Потом возьмёшь.

Ленка обиженно ныряет в библиотеку. Теряется на десять минут.

Михейша пощупал причёску: точно, пора кудри стирать. Отвлекающим криком: «Ленка, мясо остыло. Греть тебе не будем».

Баба Авдотья: «А это не твоя забота, милоч, а моя».

Дед: «Это её личное дело, может и сама разогреть. А вообще принято сообща сидеть, а не прыгать, кто куда горазд. Может, по очереди будем обедать? Или каждый сам себе начнёт готовить?»

Молчание за столом. Никто не хочет готовить каждый за себя.

Даша сидит на стуле с подложенной подушкой и мотает ногами: «Деда, а ты по проволоке ходишь?»

– Чего-чего?

– По проволоке...

– Только по канатам ходил в детстве, по семипальным «пучкам», – ответил дед, ничуть не смутившись.

– Мой точно по канату пройдёт, – думает бабка.

– А через пропасть? – продолжает Даша.

– Не пробовал, детка, а что? Через пропасть пора идти? К кладбищу чоль дорога такая короткая? – и огненно шурится.

– Да-а-а... нет вроде... пока.

– Ну и помалкивайте тогда. Как надо станет – так и пойду.

Дед, пока полоскал руки, подслушивал и наматывал на ус куксивые застольные разговоры. Дед как гора велик, на вид сухопар. А в худых свиду горах часто водится феррум.

– Как зайдёте, не вздумайте здороваться с ним по-настоящему: руку сломает, – подсказывают иногда новым гостям, желая их обычным косточкам добра.

Процесс поглощения пищи идёт размеренно и поначалу мирно. Дед на правах домашнего монарха доглядывает третью ножку. Делает он это весьма умело, не обрызгиваясь жиром и методично: от начала до конца, словно жук-короед. Добродушно бурчит, не выпуская ногу изо рта: «Не хотите трэскать – нэ эшьте: мнэ больше доста-а-а... ух, хороша... а вам не до-ф-ф-ф-ца».

Шлёп! Кость в сторону.

– Дашуленция, а подайте-ка мне, милая принцесса, ещщо вон то крылышко, что на Вас смотрит, а про меня мечтает. Кхы!

Матери и отца дома не видно. Отец на работе, а мать задерживается в пути. В доме как-то было принято, что семеро одного не ждут. Но дожидаются, как минимум, пятидесятипроцентной наполняемости. Иначе застолье может не состояться вовсе. Это главное дедово наказание. Проверено практически, и запомнилось надолго.

– Надо бы на водокачке бак ревизнуть, – говорит дед ни с того, ни с сего, поёрзав в кресле. – Эти котельные придурки всё не так сделали.

У него страшно-престрашно красивое кресло – ровно как у датского придворного стоматолога. С высокой фронтонистой спинкой, прорезанной насквозь параллелограммами. На кубиках перекрестий награвированы числа, вдоль оснований нарезанного поля – цифры. Смахивает на таблицу умножения, если бы не путал такой мотив: внутри пустых квадратов вмонтированы вертящиеся на осях костяшки бухгалтерских счёт. По креслу видно, кто в доме хозяин. Угадывается, что, несмотря на гротескно юмористическое кресло, он вовсе не стоматолог, а скорее костолом, считающий выбитые бандитам ребра, или математик, которому кто-то из наивных студентов-двоечников вместо пузырька с ядом подарил всего лишь прощальный намёк.

– Копец! – сказали бы сегодня.

– «Ревизнуть» – что это?

– Читайте «Мёртвые души», а лучше «Ревизора».

– Там про водопровод? – это Ленка. – страшные, наверно, книжки?

– Скучные книжки! – бурчит Михейша.

– Молчи уж, умник.

Молчат. И снова:

– Дед, я с тобой! Чего там, шланг засорился?

– Причины не знаю пока. Может, просто труба замёрзла и к нам не идёт. Может отверстие на входе в наш бак не то. Может мотор ослаб. Умыться толком нельзя. Качаешь-включаешь, а воды всё равно нет. Хоть снова переходи на...

Тема знакомая. Перебивают тотчас же: «Не хотим из чародейника! Не модно!»

– Давления-то нет, – философствует дед-изобретатель и механик, – будто в пустыню, а не в бак, зараза, уходит.

– Где Зараза? В воде Зараза? Какая она из себя?

– Дед просто неудачно выразился, – сглаживает бабка возникшее недоразумение.

– Деда учитель, он не может неправильно говорить.

– И я учительша...

– Баба, ты, правда, учительша?

– Бывшая, детки, бывшая. Но правила все помню.

– Деда, я с тобой хочу! – начинает канючить Михейша.

– Ну, так пошли. За погляд денег не возьму.

– Какие инструменты берём?

– И мы с тобой сходим! – Это пищат малолетки.

– Сначала всё съешьте, потом поговорим.

Весь народ, кроме бабки, желает поучаствовать в лечении водокачки. У бывшей учительши, а теперь кухарки и всегда хозяйки дома, дел и без того хватает.

За столом иерархии не видно. Там царит относительная демократия. У демократии свои правила: шалить можно до определённого предела. По лбу ложкой никто, никогда, и ни за что не получал, хотя большинство того периодически заслуживали. Деду достаточно напомнить про наличие деревянного черпала, чтобы воцарялось временное спокойствие, похожее на грядущий Брестский мир. Дедовой строгости побаиваются. Деда уважают как царя-батюшку Злако-Гороха.

Дети помнят страшилку про древний способ наказания, а именно: стояние коленями на горохе, в тёмном углу.

– Съешь крыло, – говорят Даше, – научишься летать.

– По двору или по улице? (далее улицы Дашина фантазия не распространяется).

– По небу, как голубок, – посмеивается Михейша, – как Катькин дутьш... Хе!

Ленка прыснула и заткнула лицо в подол. Только она оценила тонкое Михейшино остроумие. Потому, что единственный Катькин дутьш, не смотря на то, что он был птичьим королём, и не в пример прочим её даровым и грязным птицам, летал привязанным за бечёвку. То же самое Катька сотворяла с крупными стрекозами, только летали они на нитке. А также с теми золотыми мухами, которые прилетали явно не с задворных навозов, а – бери выше – с пирамид Египта. Вершины пирамид покрыты гуаном умерших летучих динозавров, превратившимся со временем в зелёную известь. Отсюда и золотозелёные перелётные мухи. Катька утверждает это бесповоротно и готова намылить шею любому оппоненту-выскочке.

Даша: «А в Машкву мощно станет долететь?»

– А то! Конечно.

– Хасю крылышка. – И хлопает в ладоши от привалившего счастья.

– Надо говорить «хочу».

Даша старается: «Хочу крылышка».

Оля: «А мне дайте лапку...»

Михейша: «Ногу, надо говорить. А зачем тебе чужая нога?»

– Ногу, да. Я быстренько сбегая в Петербург. Мне там свадебный билет надо взять.

– Зачем билет? Замуж собралась?

– Ваньке-Встаньке надо и Петрушке. Они сделали предложение Мальвине.

– Оба сразу?

– Они любят Мальвинку.

– А Мальвинка кого любит?

– Обоих поровну.

– Так не бывает.

– Бывает, бывает! – Оля почти плачет. – Им много деток надо.

Взрослые смеются.

– Да ладно, – утешает Михейша, вгрызаясь в крыло. – Попроси лошадеву ногу... с копытом и подковой – быстрее добежишь.

– Правда, добегу?

– Правда-правда!

– Михайло! Опять детей заводишь! – раздражается дед и хлопает шлёпанцами об пол так нескучно, будто давит педали заевшего клавиатура, – смотри, а то я тебя с твоей «правдой-правдой» по кусочкам разберу!

Михейша обиженно бросает кусок, растопыривает пальцы веером – будто сушит, а сам поглядывает на Олю и Дашу и мелко покачивает руками, будто предназначено для Оли и Даши: нате вот вам, мол, я не боюсь, а вам от меня сегодня выпадет на орехи.

– А теперь будем ломать вот эту ключичную косточку, и загадывать желания, – предлагает Ленка, усердно оттирая руки об шейную салфетку, – кто будет ломать?

– Я, я, я!

От курочки не осталось ничего; даже доброта её упакована в детские желудки и благополучно забыта.

– Сломаем косточку, а остальное похороним.

Похороны хоть чего – одна из частых детских игр. Дом почти на самом краю жилья, дорога на старое кладбище проходит мимо, и ни одни похороны не остаются без внимания.

– Лучше Хвосту отдадим.

– И поддадим. Собакам куру не дают. Они могут подавиться. – Это опять всезнающий Михейша. – Деда, ну что, идём?

– Всем спасибо за компашку, – говорит дед и шумно поднимается с места. – Кто со мной – одевайтесь теплее. Нагих, больных и голодных не беру.

Интерьер и экстерьер

1

– Покушал с ними, читатель? Понюхал только? Ну, извини, друг, в бронь-заявке тебя не было. Ходи голодным в Кабинет: дальше, если желаешь, будем рассматривать интерьер. Стоит того. Не утомил ещё? Ты дама... простите, Вы дама? Мужик? Вау! Тут в начале рассчитано исключительно на сентиментальных дам.

И началась переключка!

– Костян, и ты тут что ли? – Я! – Эдичка? – А что, ну зашёл на минутку. – Иллиодорыч! – Я! – Борис! – Я! – Пантелеич! – Я! – Годунов? Годунов, твою мать! – Молчание. – Иван Ярославович? – Ну, я. – Порфирыч, Димон, Григорий, Разпутин? – Я! – Трипутин? – Я! – Простопутин? – Я! – Сорокин, Галкин? Мишки... Таньки... и вы тут?

Годунов запоздало: «А чего?»

Григорий недовольно: «Распутников я».

Дашка-худюшка, Жюлька-толстушка: «Тут мы!»

Разного вида Иван Иванычи, бесчисленные Артуры и вообще вскользь читающие кавказцы, ищущие жертв будущего национализма: «А что?»

– Всё равно, браво! Медаль вам! Баблю когда вернёте?

Разнокалиберные книги там расставлены по стеллажам. Стеллажи сплошняком идут по галереям. Последние полки упираются в основание шатровых стропил. Галереи занимают весь периметр Кабинета, и только у широченного эркера, будто выпавшая клавиша в момент апофеоза великолепной чёрно-белой музыки, неуважительно разрывают свой органичный массив.

Эркер, смахивающий на парковую ротонду, огранён витыми поярусными колоннками. На капителях ярусов раскрывают клювы и издают потусторонние звуки пернатые муляжи, прикрученные к колоннам тонкой проволокой.

Дотошный декоратор засунул в эркер живую Пальму.

Волосатая – пуще обезьяны – Пальма вылезает из кадки. Когда-то пальма была маленькой, но теперь она в три объёма детских рук и ежегодно – по весне – пытается вытолкнуть наружу потолок. Культурно себя вести она не умеет. В середине множится на стеблевидные отростки. Ближе к потолку ветки-стебли-листья скрючиваются и начинают расти вниз. В эркере тесный южный курорт. Моря только нет.

Десяток лет позёвывает и поглядывает Пальма в потные стёкла. А там: то ли улица, то ли ободранный променад, то ли прогон для скота... короче, в последней степени немилости рогатый, босоногий, наудачу перспективный штиблетный проспект.

– Проспект? Полноте!

– А вот то-то и оно-то.

Проспектом этот отрезок пути называют не только местные люди: в Михейшином адресе тоже так написано.

Вот и недавний полицейский пример из Петербурга.

– Ксиву (паспорт, значит) молодой человек!

Даёт паспорт. Раз есть паспорт, значит, парень не из деревни: деревенским паспортов не дают.

– Нью-Джорск? Где это?

– Ёкской губернии.

– А-а.

(Не поверил.)

– Тут пишут: Арочный проулок 41А повернуть и идти вдоль проспекта Бернандини к номеру 127. И почтовый отдел есть? Большой что ли город?

– Да так себе. Обыкновенный.

– В маленьких городах проспектов не бывает. Да и улица не маленькая. 127. Чёрт! Да это как Невский. Больше Гороховой. В Гороховой 79. Ратького-Рожнова дом знаешь?

– Откуда?

– От верблюда. Сам-то что тут стоишь?

– Гувернантку Лемкаусов жду.

– Зря ждёшь. Она сегодня не работает.

Вот так Клавка! Даже городской её знает. Чем же так прославилась Клавдия? Неужто с жёлтым билетом девка? Только с таким билетом на работу не устроиться. Что-то тут и казеином¹⁰ не слепляется.

– Что, и арки у вас имеются? – спрашивает городской.

Михейша тут поёживается плечами, не желая полностью раскрываться. Есть одна. Всё равно Арочная!

Значит всё-таки проспект, хоть и глиняный. Хоть дома на нём преимущественно деревянные, а не глянцевые. Не для журнала город! В Брокгаузе Джорки точно нет. Проверил один критик недавно. Там пишут: городом называется если... если... или город свыше трёх тысяч жителей, или если в нем что-то есть любопытное. Ну что за город в три тысячи жителей? Позор Всея Руси. А любопытность есть в каждой деревне!

Удивляется Пальма неизменяемому убожеству и вечной грязи удивительного этого проспекта.

Дождь: без деревянных мостков, проложенных вдоль сплошных оград и деревянных фасадов, вряд ли можно было бы пройти и не исчезнуть навечно человеку. Венеция, Весенька, Осенька отдыхают!

А вот коровам хоть бы что: радостно вертя хвостами, в дождь и в жару бредёт стадо то по грязи, то в пыли, по проспекту. Умело находит свои ворота. Мычат, как заевшие граммофоны: «Отворяйте!»

Окончательно растворяется стадо у высокого Строения номер один бис. Это адрес церкви, колокольни и дома священника Алексея с задним палисадом и ещё более задним хлебом, красиво выставившим свой единственный каменный зад уже на другую, пусть даже длинной в скошенный угол дома, улицу.

– Улица «Заводчика», – гласит табличка.

– Что за Заводчик? – интересуется Серёга. – Не знаешь? Фамилия есть у Заводчика?

– Написали бы: «Заводчика Лошадей, Доильщика Коров, Пасечника Пчёл, Дрессировщика Тигров такого-то» – рассуждает Михейша, лучший Серёгин друг. – У деда спрошу.

Эта дурацкая улица в одно кривое окно зачинает Площадь Соломенного Рынка. И это единственный адрес, по которому можно колесить вкруговую, не натываясь на заборы, на пни, на сосны, на свинарники и конюшни. Нет! сказочно богата всё-таки богом забытая джорская деревня-полугород!

И грязь в этой части особенная: говорят, кроме угольной, в ней каолиновая пыль. И шапчонки-то тут носят...

Ну, понесло! Стоп на этом! Не о попе Алексии, и не о русском провинциальном строительстве речь. Погуляли. Мало? Пора-пора. Нехотя и голодно (нет на улице груш), но возвращаемся в дом Федота-Учителя.

---

¹⁰ Вид клея на основе органических веществ.

Разберём его дом с точки зрения искусств и строительных ремёсел.

2

В стену, отделяющую КабинетЪ от Ресторана Восточного Вокзала, впломбирована огромная двустворчатая дверь неопределённого стиля и ужасного образца. Дверь в два этажа. Середина прорезана обходной галереей. Так что получается на внешний вид одна дверь, а фактически их две. Это отдельная архитектурная находка, гимн дверям и соборным порталам, лебединая песня театрального декоратора, марсельеза парадного триумвирата. Даже не песня победы, а триумф разбойного, буйного, умалишённого зодческого братства.

С некоторой поры – а «пора» названа разбогатевшим на проданном учебнике дедом «второй ступенью домашней реинкарнации», – дверные полотна – толщиной едва ли не в полвершка – замощены цветным стеклом. Куски стекляшек связаны между собой свинцовыми протяжками и образуют в совокупности растительный узор. Зовётся это мудрёное дело «родинцовским витражом».

Родинцов давно спился, пишет портретики с прохожих, а витраж вот он: впежён как миленький.

Медные петли двери первого яруса, учитывая их толщину и количество, могли бы запросто удержать створки знаменитых Красных ворот, ведущих в Запретный город вместе со всем навешанным на них металлическим ассортиментом. Выдержали бы дедовы двери пару китайских евнухов мордovorотной наружности, приклейся они для смеха дверного катания к огромным, литого изготовления, ручкам.

Створки верхнего яруса двухэтажной двери значительно проще. Там простая перекрёстная решётка с обыкновенными серенькими – пыльными что-ли? стёклами.

Что в этих кунштюктных дверях ещё интересного? Пожалуй, а вернее даже на правах главной достопримечательности, – весьма необычные барельефные обрамления косяков.

Вглядываемся, но понимаем не сразу. Блестящие обшлага чёрного дерева изрезаны рукой талантливейшего мастера. Но в момент данной заказной работы, видимо наширившись видениями Босха, виртуоз сильно захворал головой.

Тут, подобно африканскому заповеднику, что распластался вокруг озера Виктория, или схоже удлинённому пятачку Ноева ковчега, помещён чудной зверинец, обитатели которого выстроились будто бы по безоговорочному намёку весталок в походную колонну.

Тут прилепились и вымеряют свой путь лапными и копытными шагами объёмные твари млеко, мясом и насекомыми питающиеся. Одни – лесные, другие – пустынные. Третьи – жители саванн, тундр, степей, скалистых гор и плоскогорий. Они узнаваемы с первого взгляда, но отчего-то все с серьёзными отклонениями здоровья. Первые – с незаконными крыльями, другие с излишним количеством горбов, клыков, ласт. Третьи поменялись кто головами, кто шкурами. Кто-то продал ноздри, зато прикупил у соседа нелепый хвостик.

Криво вьющиеся ветви оседлали необычные воздушные персоны: они с клыками и бивнями вокруг клювов.

Под ними страшные морские каракатицы, снабжённые человеческими лицами, с выпученными, как при бросании живьём в кипяток, глазами.

Всего многообразия дружного обмена зоологическими членами не перечить.

Бегают все эти не имеющих законных имён гадоюды по наличникам и обкладкам; они вросли в плитусы, возглавляют углы, жуют свои и чужие хвосты. И, весело улыбаясь, азартно впивают зубы друг в друга. И, скалясь домашними вампирами, добродушно попивают соседскую кровь.

Фигуры совершенно не кичатся натуральностью извлечённого резцом отображения. Они плюют на чудаковатый принцип подбора хороших друзей.

Соседствуют меж собой они так же спокойно и гармонично, как порой возлежат припрятанными для пользы дела и в ожидании волнительных сюрпризов противоположные мины пограничной полосы.

И это ещё не всё: если приглядеться, то кое-кто из зверушек и чудююд заняты ужасным делом: они беззастенчиво занимаются любовью. При этом заняты продвижением вовсе даже не своего рода.

Они сливаются телами с тварями иных нижних видов, словно пытаясь приумножить представленное разнообразие звериного, насекомого, пресмыкающегося, крылатого мира, грубо поломав дарвинские стереотипы умеренной и порядочной эволюции.

Проём увенчан надтреснутым фронтоном корытного дерева, явно позаимствованным из интерьера Схимника Заболотного. В центре фронтона – карикатурный слоник с парусообразными ушами, опущенными безветрием, и с задранном кверху подобием хобота. А по сторонам его – инициал из двух необъяснимых для чужеземных неучей букв. Игриво заovalенная древнерусская «Ш» со стручками гороха на поворотах добавочных линий вплетена в квадратно-китайскую «Ф», будто бы выполненную из разможжённых в концах битевых палок.

– Как водяной кистью по тротуару написано, – утверждает дед Федот, – живо и художественно в высшей степени. Талантлив наш землячок Селифан. Настоящая готическая резьба! Ему бы ещё дворовые ворота по-гречески порезать и ставни по-мавритански! Некогда ему пока: готовит выставки в Лондоне, Токио и одну для аборигенов... кхе! ...Гонолулу, – и улыбается.

Все, особенно Михейша, безоговорочно верят деду.

– Деда объездил весь мир, – утверждает Михейша без всякого на то основания и без засыпания неверующих Фом фотографическими фактами. Три «Ф»!

Запомним всё это.

...Инициал дверного фронтона придерживают бурундуковатого узора жирные коты с тонкими как стебли, завёрнутыми в спираль, хвостиками. На задних шлейфах их выросли крапивные листья с увеличенными будто линзой мелкоскопа колющими устройствами.

Хобот сказочного по-восточному слоника – какой ужас – форменное безобразие и насмешка над опытом божественного сотворения мира. А с другой стороны, это апофеоз больного, бредового экспериментаторства по спариванию человечества с животным миром: оно даже не напоминает, а откровенно являет собой Нечто и Непотребное в паранормальном единстве.

Нечто Непотребное закрутилось в тяжёлую спираль, воинственно напряглось, готовое распрямиться и пробить своим оголовком любую крепость – хоть животного, хоть искусственного происхождения. Это комический слепок с того, что особи мужского пола человеческого племени достают только в случае крайней необходимости. Вариантов тут немного: с его помощью получают искреннее удовольствие от незаконного соития; благодаря ему законно продлевают род; и – простите, мадемуазели – без него не справить малой нужды.

Как такое можно допустить в доме, где гурьбой бегают малые дети и где женщины являют собой пример целомудренной морали и торжества моногамии? Где исповедуют, пожалуй-что, устаревшие и излишне пододеяльные отношения, причём при закрытых окнах, выключенных ночниках и потушенных свечах.

Скульптурная дерзость парадных, общественных дверей в домашнем дворце науки и литературы необъяснима и крайне непедagogична!

Добавим красок в описание: кабинет этот – сказочная обитель, не меньше – а ещё – загадка, колыбель знаний, филиал звериной Камасутры и кунсткамера удивительного, нерального мира, способного взбудоражить и напугать любой податливый ум. Да и весь остальной дом необыкновенен, как прибежище исключительной странности умников.

Все отпрыски старшей пары Полиевктовых потому – чокнутые с малолетства.
Здравы ли нижние ветки родословного дерева?

– Умом?

– У деревьев ума не бывает.

– Уверены???

Короче, это история рассудит сама. А мы будем только оперировать...

– Ой! Больно нам от одного только вида шприца со скаль...

– Фактами, граждане!

Петух под столом и царевна Софья

1

1909 год. Конец мая.

Дед Макарей сегодня – гость. Гость кукарекает под столом. Над ним потешается вся развесёлая Полиевктовская семейка.

Царевна Софья с князем Голицыным перевернулись в гробах.

В чём дело? Какая связь?

Всё с виду просто, но не так уж легко практически.

С тайнописно – любовной записочкой царевны Софьи через триста лет случился провальный огрех. Князь Голицын с возвышенной любовницей благодаря юному сыщику ещё раз предстали перед общественностью в не самом выгодном свете.

Позволение на расшифровку выдал уже упомянутый Михейшин двоюродный дед – Макар Иванович Полиевктов. Среди всех Полиевктовых он – просто Макарей. Родом и по долгу службы – из далёкой Тюмени. В Тюмени хватает своих чудачков. Макарей – один из них. Нет, он самый главный чудак всего Тюменского края, если, правда, не считать тобольского Третыщенко (прадеда господина-художника Евжени Третыщенко), который обивает пороги губерний, утверждая, что каждый уважающий себя город должен иметь хотя бы одну конную статую. Каждый губернатор считал за честь выпроводить Третыщенко из кабинета на вежливых пинках, и удовлетворённо прощался каждый, радостно помахивая одной ручкой в окно Третыщенко, а другой стирая лапшу с ушей.

Где ж ему бедному набрать столько бронзы на лошадь? А где взять народного героя-всадника? На коня уйдёт больше бронзы, чем на героя. А сам губернатор тобольский пока не герой, и на войну неохота, а на другого героя кроме себя денег совсем нет... Нет, нет и нет! Своим не хватает. И не будет хватать. Война с Америкой на носу. У чинца ширится глазной разрез на нашу землю. Мост надо строить через Тобол-Вонь-реку. А войны и мосты всегда в авангарде сметы. А к концу стройки мосты будто законно удлиняются в три раза. И арьергард и всю колонну тоже надо чем-то кормить. Такие-вот бухгалтерские дела в тму-тараканских тюменях.

В Нью-Джорск Макарей приезжал редко: на самые-самые главные события семьи Полиевктовых. Дед – главный хранитель Тоболо-Тюменского Губернаторского Музея истории и естественных наук, а также владелец личной исторической коллекции преимущественно бумажного свойства. У него дома хранятся в порядке и беспорядке манускрипты, старинная переписка на бересте и бумаге, рукописи, староцерковные книги, узелковые и бусинные сообщения, иоганские – начиная с самого Типографа – шрифты.

Буквально перед самой поездкой в Нью-Джорск, практически случайно обнаружился потерянный ключик от ящика коллекционного шкафа. Отомкнутый ключом ящик поначалу долго не вынимался. Дед трясанул шкаф. Битком заполненный ящик что-то высвободил внутри себя. И неожиданно почти целиком выскочил наружу. Пошатался, и, не дождавшись от деда сноровки, бухнул вниз. Вывалились, словно потроха из брюха, бывшие когда-то важными исторические бумаги, и разъехались по плахам. Не упал единственный предмет. Зацепился тесёмкой с печатями и покачивался на половине пути к полу пожелтевший, дранно-передранный, местами подклеенный, вскрытый давным-давно конверт с письмом премило свергнутой царевны.

– Неспроста это, – решил тогда Макар Иванович, даже не подумав о грядущих последствиях. – Возьму-ка я его с собой, удивлю кузинку. Кузинка, так это никто иная, как родная Михейшина бабка Авдотья Никифоровна.

Приехал. Поболтали о том, о сём.

– Интересное письмецо, – сказала бабка, – повертя трухлявую бумажонку и посмотрев её на просвет. Понюхала: выветрились французские духи за триста лет (Софье обещали четыреста). – Пахнет заплесневелой бумагой. Больше ничем. Ожидала роз, фиалок... и не понятно ни черта. Тайнопись, пожалуй! Любопытно, да-а-а, любопытно.

– Потому и привёз, голубушка, чтобы вас всех позабавить. Это письмо Софьи Голицыну в пору их ненасытной любви. До того писано, как он свою жёнушку по её желанию или согласию отрядил в монастырь. Там внизу датировано.

– Любовное, что ли, значит, там? Я люблю про любовь. Дайте-ка почитать, – испросил присутствующий при том деле Михейша, и уверенно протянул жадную до сенсаций руку.

– Как так можно сквернословить, – сердится бабка, – «люблю про любовь» – разве так можно выразиться!».

– Прочитать? Ха-ха! Не сможешь! Вот же, взяла мышь кота за шиворот, чего надумал! Ну!? Слепой музыкант чтецом заделался!? На худой дуде ты игрец – вот ты кто... – В сердцах высказывает полное недоверие Макарей Иванович: «Это тебе не газетка у мальчика – тут тайнопись. Тайн-но-пись! Никто ещё не смог прочитать. Триста лет лежало. Лежало себе и лежало. Были люди, да, брали с собой. Возвращали через неделю. Я тоже пытался – и, догадываешься? А то: полный ноль, без никакой пользы дела».

– А я читаю! И не такое разжёвывал, – уверенно резал Михейша. – А зачем привезли? Дайте, деда Макар, я прочту, уверяю... почти на девяносто уверяю.

– А если не прочтёшь, не в гневу будет сказано, а для смеха: тогда давай ты полезешь под стол и станешь кукарекать. Положим, подряд десять раз! Годится?

– Я не петух, – обиделся и одновременно зажёгся Михейша. – А сами-то станете кукарекать, если я прочту? Слабо на спор?

– Помечено! – заливается смехом Макарей.

Ну и молодёжь нынче уродилась!

Бабушка по инерции хихикнула тоже. Но засомневалась в надобности и правилах спора. Уж она-то хорошо знала тайные склонности и занятия своего внука. В самом деле: как бы не пришлось опрометчивому брату кукарекать!

– Если письмо в затейной литорее¹¹, то плёвое дело, – манерно заявил Михейша, ничуть не струсив. – С тайнописью я, дедуль, знаком не понаслышке.

– Вот фанфан, а! Ну, фанфан! – засмеялся дед Макарей. Откинулся на спинку стула. – Молодость, молодость всё это, отсюда бравада и шапкозакидательство!

Вспомнил об ушедшей его собственной студенческой юности, задрал ноги и выказал миру вязаные носки цвета испуганной зебры.

– Весной, почти лето, тёплые носки, полоски дурацкие как у половика, – отметил втихаря Михейша. Чухля домашняя.

– Что, заинтересовался рисунком? Это не простая вязка. Оренбургские ткачихи, они не только...

Какое! Не дослушав исключительной технологии вязки, и воспользовавшись неустойчивостью дедушкиной диспозиции, Михейша выхватил из его рук и конверт, и письмо.

– Эй-ей, ещё не договорили!

---

¹¹ Элементарная тайнопись, часто используемая старообрядцами, основанная на основе замены согласных букв диграфами. «Мудрая литорея» – чуть более усложненная схема.

Какое там! Нелепой стрекозой, махая руками и выворачивая ноги в коленях – чтобы одолевая сразу по три ступеньки – начинающий сыщик взмыл на второй этаж и зарылся в своей комнатёнке.

Там вооружился лупой.

Для начала переписал текст более явно. Изобразил какие-то столбцы. В столбцах выставил значки и пересчитал каждый. Переписал ещё раз. Переписал второй.

В час ночи крикнул: «О!» В час тридцать: «Е»!

После того, как определилось ещё несколько основных гласных и согласных, дело было почти выполненным. Царевна использовала всего лишь слегка усложнённую «мудрую литорею».

Михейша положил на алтарь науки вечер, ночь и кусок утра.

С первыми петухами письмо было окончательно расшифровано. Кроме, разве что, четырёх слов с абсолютно непознаваемым, видно староцерковным смыслом. В библиях Михейша не силён. И упомянуто о каком-то Фуй-Шуе, которого царевна грозилась отобрать у сожителя, если он не будет приезжать с любовью и поцелуями по два раза на неделе.

– Кукареку! – крикнул для начала дворовый будильник. И вежливо: – Вставайте лю-у-у-ди, кох-кох-кох! Кому врача? А, может, палки?

Зашипел картонный Биг-Бен. Пришлось придавить его подушкой.

Михейша высунулся в окно и взгляделся в поднимающееся над дальними елями слабое зарево. – А не отдолбануть ли от бабкиной сигары кусман?

– Кукареку-у-у! – прозвучало опять с Федотова двора, ещё громче и нахальнее.

Обложили со всех сторон Михейшу идиотскими звуками!

– Не сплю я, – пискнул Михейша в окно.

– Кок-н-ду, кок-н-ду! – прямо под нос во французском переводе. Это действительно петух Фритьоффа – красно-синий с одной стороны и огненно-рыжий с другой – оседлал совместную с Полиевктовыми границу.

– Вот же сволочь, издевается! И ареального петуха научил по-французски лопотать. Мог бы кричать по нашему: не так занозисто!

– «Фуй-Шуй, Конфуций, фуй-шуй!», – также «будяще с тысячелетним оттенком» донеслось из Федотовского кабинета.

– И Фенька, дура, туда же, – подумал Михейша, – странные песни поёт, гайки бы ей под хвост навинтить! Дак нет же, самка она: ничего не выйдет.

– Кукареку! – зашептал петух православный с далёкой Бернандины нумер айн бис.

– Вот так дед Макарей будет сегодня горлопанить, – подумал удовлетворённый совиными деяниями Михейша. Он представил деда под столом. Живот его – будто сам собой – содрогнулся, а затрясшиеся параллельно животу губы выдали спазмическую серию хихикающих звуков.

– Дед он хороший, что уж я так развеселился? – журился Михейша, – разгадал, так разгадал. Не велика заслуга, коли знать ключ.

Хотя по правде: ключик Михейша придумал сам. Так честно, как будто по незнанию доказал себе – дурню – уже известные всему миру Пифагоровы штаны. – К кровати шагом марш! Ать-два!

Подушка вомнулась на три четверти, приняв в своё податливое ложе сосуд с мозгами достойного сыщика. Ноги упёрлись в прохладный никель.

Внизу уже начинали шевелиться родные. Северный Сосед выпал во двор и принялся концом метёлки – там колючки шиповника – раскупоривать ставни.

– Кончай орать, – пригрозил он стягообразному паразиту, – кому надо, уже проснулись. И будто бы мигнул засыпающему Михейше.

– Ба! Сегодня экзамен, чёрт... Стоп. Воскресенье! Не надо. Слава Бо...

Это была последняя здравая мысль Михейши, перед тем, как... как... как...

Сонный ветер повалил Михейшу так просто и без затей, будто шуткуя сдёрнул сноп с колымаги.

2

Каждые Михейшины закладки в книгах имеют тайный смысл, спрятанный в многочисленных игольных проколах тонкой биологической субстанции. А как же ещё поступают по-другому будущие следопыты, собиратели скорпионов, охотники за тиграми, анакондами, сокровищами?

Имеются в виду трафареты с перфорацией, размещённой по сторонам квадрата и в центре, которые позволяют менять по определённой схеме – в сплошном ритме проколов – написание одной и той же буквы. А код разворотов, применяемых к определённой группе знаков в сбитом ритме, не угадать без ключа. Маскировочный ключ при надобности тайной переписки выдаётся Михейшей агенту, с которым обуславливается порядок его применения и смены другим кодом.

Главный Михейшин агент – это его старшая сестра Ленка.

Комната Ленки рядом с Михейшиной, но в минуты и часы ссор, проигранные по – серьёзному и начатые по игрушечным причинам обеты молчания длятся порой неделями. Тайная переписка в эти недели – за исключением языка глухонемых – единственный способ тягостного – по необходимости – держания языка за зубами и развесёлого – по той же незамысловатой причине – общения друг с другом.

Михейша с детства увлечён разгадыванием чужих зашифрованных записей и созданием собственных стилей маскировки текстов.

Стоит ли говорить, что однажды найденная в дедовской библиотеке книжонка по криминалистике привела отрока, достойного хитростью и умом своих отцов, к дотошному освоению физики и химии. Она же заставила полюбить до того ненавистную математику.

Хинин, аспирин и нашатырь, кислое молоко, марля, утюг вовсе не для больничных целей ютятся в средних ящиках не по возрасту огромного шкафа в Михейшиной каморке, вклинившейся в полумансарду, что над первым этажом.

Шкаф в средней части больше напоминает аптекарско-алхимический алтарь. В верхнем отсеке – книги и брошюры. В самый низ шкафа встроен засекреченный, выдвигающийся на колёсах, обитый жёстью детско-юношеский филиал дворовой лаборатории; она же, собственно говоря, – семейная и сугубо мужская мастерская. Места швейной машинке, олицетворяющей, по мнению Михейши, все наивные, глупые и никчёмные женские пристрастия, в ней не нашлось.

Взрывоопасные Михейшины пробы осуществляются на песчаном берегу речки Кисловки, которая неожиданно для её, в общем-то, ровного течения, словно умышленно для авантюра делает поворот совсем неподалёку от родового поместья. Ограждение территории здесь представляет собой распиленные пополам лесины, разрежины между которыми не годятся для убегания со двора скотины, но зато вполне устраивают ловких мальчиков и любопытных девочек.

Как автор не уворачивался, но повествование само собой подвело к необходимости описания экстерьера будущих сцен. Не будем этому противиться и максимально коротко опишем. Впереди ещё триста (ну, соврал же!) пустых страниц.

Вход в дедушкино государство (вот те на: государство-то без названия!) представляет собой конструкцию из четырёх циклопических столбов. Столбы увенчаны двухскатной кровлей. Между столбами вписаны двустворные ворота из плах кедров. Встроены две калитки: – одна «людская» и другая – откидная у самой земли – для торжественных выходов на улицу живности, не лишённой демократического права на свободу передвижения.

Планировка двора выполнена в форме буквы «П».

У короля Луи Филиппа – похожая ситуация, но с большой разницей. У последнего в перекладине «П» размещались приёмные покои, главные кабинеты, торжественный зал и парадная лестница. А для поперечного на всё старьё деда классический способ организации французского дворца это инфантильный, дурацкий, изживший себя иностранный штандарт. Увещевания жены и ссылки на древние правила устройства дворов и палат не приняты им во внимание никак.

– Любая искусственная симметрия – исключая, конечно, биологическую, вызванную условиями эволюционного выживания, а то ж любая парадная схема, предназначенная только лишь для возвеличения субъекта – жизненных сил не имеют-с, да-с! – говорил он. И в самом почётном месте буквы «П» выстроил мастерскую и лабораторию с полуподвалом. Was ist das «лабораторию»?

И из детства: «Вас ист дас, вас ист дас, выпущу кишки из вас».

Дас ист:

Подготовка химических опытов осуществляется в слесарке и в полуподвальной лаборатории-мастерской, расположенных на самом почётном месте дедовых сооружений: в перекладине важной буквы «П». Ну, то самое место, куда обычно привязывают петлю самоубийцы, варвары и диктаторы. Отец, мать и дед с бабушкой знают о странных Михейшиных развлечениях, но по большей части не мешают и не запрещают. Они ограничивают сына и внука лишь в степени взрывной силы и попутной вредности.

– Химия – занятие безусловно достойное, но здоровье домочадцев следует уважать, – говорит бабушка.

Надо отметить, что относительно безопасные эксперименты Михейша осуществляет в дальнем и скрытом лопухами углу огорода. Там есть, где спрятаться. Там в мягком грунте нарыты искусственные летние окопы, и сооружены песочные бруствера в два наката кругляков. Любой – слава Богу – не пороховой пока, – а предварительный, самоделочный, детский, игрушечной величины взрыв лишь только слегка всколыхнёт дальние постройки. А окружающие берёзки и сосны, поначалу вздрогнув, беззаботно, ни за что не отвечая и не выдавая никого, шелестом крон и треском отламываемых и отживших отростков деревянной плоти поприветствуют озорника.

С неба посыпал шишковый град. Хорошо, что он не из Бразилии, не из Америки, а местный. В Бразилии много любителей запускать с попутными смерчами лягушек. Из Америки шлют доллары. Но пока прилетают доллары, становятся они грязными, потрёпанными, мокрыми и никому не нужными (кроме олигофренов-олигархов) клочками бумаг.

Главные опыты проходят в отсутствие дома родственников.

Время отлучки домочадцев тщательно вычислялось заранее, а порой планировалось и стимулировалось самим Михейшей.

Например, Михейша внезапно заболел и тогда: «Кха-кха, бабуля, я козьего молочка что-то прихотел».

Болезнь внуков для бабушки это святое. Тут бросаются все необязательные дела. Козье молоко Михейша принципиально не пьёт, но единственная в округе чужая коза проживает существенно дальше, чем родная корова в стойле, и это выгодно Михейше.

Михейша продолжает ныть: «Болею. Горло дерёт».

Медицине ради такого Михейше тоже пришлось поучиться. Благо, тётка его – звать тётя Нина, а в быту просто Нинка, оставила здесь все свои студенческие шпаргалки и десяток книжонок по врачеванию.

Бабушка: «Ох, батюшки-светы! Сейчас сбегаю. Потерпи, внучек».

Михейша: «Ах, ох и ой», – вдогонку для правдоподобия.

Или: «Мамуля, тебя дед в школу чего-то зовёт».

А дед, кроме преподавания черчения, математики, физики, химии, – ещё и директор, а ещё он – инициатор строительства в Джорке теремка знаний для малолеток. Года четыре назад теремок разросся вширь четырьмя помещениями, накрылся тёсом и стал теремом. А точнее: реальной, рациональной, крытой, тёплой школой нового образца с заполнением новейшими металлическими арифмометрами гражданина-изобретателя Феликса.

– А что такое? Двойку схлопотал? Почему бы втроём дома не поговорить?

– Деда любит официоз.

И это правда. Всё – правда, кроме вымышленной болезни. Даже двойки приходится специально вымучивать и приносить в жертву успеваемости. В журнале у Михейши колы соседствуют с пятаками на равных.

Другой вариант. Мамуля надолго, увешавшись корзинами, плетётся на Большой рынок. Не тот, что за Бернандини номер один, а ещё дальше. А Полиевктовский дом почти на самой границе. Бабка собирается через Кисловку в лес за ягодой, беря с собой изрядную порцию табака и любимую, засмолённую насквозь трубку. Взрослых мужчин дома нет: у них как всегда масса вневедомственных забот.

Как только дом опустевает наверняка, тут начинается военное представление:

– Ленка, всё на мази! Тащи нитроглицерин. Где? Он на лоджии... в бумажках... под моим подоконником в щелях, между брёвен посмотри. Высох. Готов. Ссыпай в мешочки. Сорт первостепенный. Действуй чрезвычайно... Осторожно, Ленка! Мать твою!

– И твою тоже! – огрызается Ленка. Она готовит себя на эсерку Каплан, хотя пока того не знает. И Фани не знакома с Ленкой, а то пропустила бы Ленку вперёд, и, глядишь, сама бы осталась жива.

– Много не бери, хватит осьмушки. У нас в запасе всего пара часов.

Верная сообщница Ленка заворачивает порошок в бумажки и половину вручает Михейше. Бандит и бандитка на цыпочках несутся в огород. Падасть и трясти порошок противопоказано любому живому человеку. Мёртвому – хоть затрясись. Одноногому и однорукому не рекомендуется: можно потерять остальное.

В городском саду так оно и было пару лет назад. Взрыв. Ближние крыши насупились. Попадали хрупкие деревца. Лишние ноги и руки развесились по веткам, будто бельевые тряпицы. Не нашлась голова. Вездесущие озорники приносили в школу только оторванные пальцы. Девочек тошнило, а мальчики, найдя ранцы, бросив все хозяйственные и игральные дела, волочились к школе со всей округи, будто сроду пальцев не видели или сильно соскучились по учёбе.

...Минут через двадцать заканчивается подготовка и начинается серия взрывов, похожая на отдалённую канонаду. Ещё через пять понемногу начинает рассеиваться дым.

Через следующие пять-десять минут стучат в ворота. Это непременно мсье Фритьофф. Он сосед справа. Мы уже говорили.

А слева – забитая Катька Городовая, частенько восседающая на Дальних Воротах за копеечку. А дома у неё старый отец. Он абсолютно глух. Кстати, и слеп на правый глаз – после одной из кабацких драк в молодечестве. Первое обстоятельство радует особенно. Простите за то Михейшу.

И стёкла у соседей какие-то мягкие: приспособленные к любой динамике от мастера Михейши.

Мсье Макар Дементьевич Фритьофф не особенно дружит с головой. Его провести легко.

– Les angelots natal¹², ... (тут в середине непередаваемые французские слова), et non si entendaient vous quelque chose comme l'explosion¹³?

¹² – Родные ангелочки (фр.)

– Quelle explosion, le grand—père Makar¹⁴?

– Moi m., n’oubliez pas¹⁵...

– Грохоток, m. du grand—père Makar. Regardez: le nuage s’est rencontré au loin avec l’autre¹⁶...

Смотрит. Действительно встретились.

– Je ne murmure pas sur la nature¹⁷, – рассуждает месье Фритьофф, – tout lui est permis¹⁸. Et non direz, gentil¹⁹ ... (опять абракадабра), не ожидается ли очередное нашествие шаровых молний? Chez moi ma madame des éclairs craint beaucoup. Et je non octroie beaucoup ce phénomène naturel²⁰. Упомянутые мадамы – это свинюшки Фритьоффа. Но об этом будет сказано где-то ниже.

А явления природы иной раз рожают брат с сестрой. Месье только подозревает в неладном, но ни разу не ловил в деле. На шее у него трофейный бинокль. Но он не помогает: мешают разросшиеся вдоль общей ограды ёлочки и густые заросли хмеля.

К царевне Софье всё это не имеет никакого отношения. Поэтому сворачиваем главу.

---

¹³ ...А не слышали ли вы нечто вроде взрыва? (фр.)

¹⁴ – Какой взрыв, деда Макар? (фр.)

¹⁵ – Я месье, не забывайте... (фр.)

¹⁶ – Грохоток, месье деда Макар. Смотрите вон: тучка вдали встретилась с другой... (фр.)

¹⁷ – Я не ропщу на природу... (фр.)

¹⁸ – ей позволено все ... (фр.)

¹⁹ – А не скажете, милейшие... (фр.)

²⁰ У меня мои мадамы молний очень боятся. Да и я не очень-то жалую это явление природы. (фр.)

Шаровая молния

«Гек Финн:

– Том, а ты пробовал когда-нибудь палить в шаровую молнию?»

Год 1909. Лето.

Настоящая природная чудо-беда заглянула в дом деда Федота.

Это случилось ровно в тот момент, когда, словно для будущего всеобуча, в дом понаехали гостевать дальние кузены полиевктовской малышни. Вновь прибывших было двое: девочка и мальчик. Между кузенами – тоже Олей и маленьким шкетом Толькой – и уже сбитой группировкой «Ленка, Михейша, Даша и Оля» тут же составилось некое физически разношёрстное сообщество. Разобраны они по возрастам, лицам и характерам как разнокалиберные и разноцветные стекляшки на дне калейдоскопа. Нет ни одного камушка одинакового. Но, каждый камушек дополнял другой. Собираясь вместе, вертясь босиком на траве, захаживая ежедневно в домашний зверинец, скользя по доскам пола, бегая вверх-вниз по лестницам, звеня ложками в «РВВ» и роняя – кто тарелку, кто вилку, а кто стаканы, они были счастливы. Они были так прекрасны вместе, будто то был ангельский узор божественного на поверку прибора. Взрослые не могли нарадоваться игрушке.

И что же? Именно в это время, одним из дождливых вечеров, когда, как назло, старших, кроме бабки Авдотьи, дома не было, следовательно, за всей ситуацией трудно было углядеть, где-то совсем рядом, почти что над головами, бабахнул гром. (На следующее утро обнаружили оплавленное место в кресте Алексиевой церкви и «чёртов круг» в том пяточке, куда опущен громоотвод). Дети в тот момент играли кто в «слова-шарады» под предводительством Авдотьи Никифоровны, кто возился с куклами. А кузен Анатолий – картавый, всклокоченный малыш, крепкий и загорелый как сушка, которую он жевал, – раскачивал босой ногой табурет и вспоминал считалку о крыльце и о короле. Он забыл, какой персонаж шёл за сапожником.

– Кагхоль, какхалевич, шапожник... кто, кто!? – крикнул он одновременно со вторым, ещё более мерзким и страшным раскатом.

Но дети, даже не услышав его, закричали, повскакивали с мест, ринулись со страху кто куда.

– Надо окна закрыть! – гаркнул Михейша. Да так полезно и умно крикнул, как его по предмету грозы учили-погоняли отец с матерью, а тут весьма кстати случился экзамен.

– И двери! – присовокупила Ленка. И сказала так пискляво, и так покойно и несоответственно силе беды, будто она – взрослая – сидела в детском кабаке, а тут случилась драка. А она была сильней и спокойней всех. И она просквозила слова через трубочку так спокойно, будто ей абсолютно безразлична вся эта детско-кабацкая паника. Или как будто ей напрочь опостылела бурная, шумная жизнь, И она по законам обычно-драчливого и изредка забавного ковбойского времяпровождения продолжала вместе с не такими уж важными словами выпускать розовые коктейлевые пузыри.

Но было уже поздно. В Ресторан Восточного Вокзала величаво и медленно – как гроб первой категории – вплывал без спросу и приглашения томящийся огненно-красным цветом, колеблющийся и потрескивающий искрами, то ли полупрозрачный и включённый в небесную электросеть Плафон, то ли приличной астраханской величины огненный арбуз.

Народ догадался тут же.

– Это шаровая молния, – прошептала, остановившись, упёршаяся локтями в печь, Оля. И по-взрослому, будто рядом с пожаром, лаконично и по делу заорала: «Люди, беда!»

– Я боюсь, – тут же захныкала Даша. У неё непроизвольно затряслась голова. Чтобы остановить её, она присела на корточки, схватила косички, закрыла ими накрест лицо и застыла в такой позе.

– Мне страшно, – крикнули схватившиеся друг за дружку Оля и кузина Оля-Кузнечик. И так монолитно и враз, будто заранее сговорились, или всю жизнь желали быть сиаемскими близняшками.

Упала Толькина табуретка: «Лазыщ!» Упал и завертелся по полу надкусанный Анатолием сухарь. И будто сухарь, а не Толька, заорал благим матом: «Шпашайша, кто может!»

Панику следовало прекращать.

– Слу-ушай маа-ю каа-ман-ду! Играем в... в «застынь на месте-е»! – Это протяжным и неузнаваемым, нарочито безмятежным, словно привычным к катаклизмам боцманским голосом закричала-забурчала бабуля: «Кто не застынет – я не виновата! Всё поняли? Не шевелиться!»

Её незаметно внешне, но мелко потрясывало изнутри. Потрясывало так мерзопакостно, словно она держалась за оголённый провод с не смертельно мощным, но зато ощутимо неприятным электрическим током.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.